И 489/147

ЭБ

ОБЪЯСНЕНІЕ СКАЗАНІЙ НЕСТОРА

О НАЧАЛѢ РУСИ.

И 489/147

ОБЪЯСНЕНІЕ СКАЗАНІЙ НЕСТОРА

О

НАЧАЛѢ РУСИ.

ПОГАШЕНО

На статью профессора И. И. Костомарова «Начало Руси», помѣщенную въ «Современникѣ» № 1, 1860 г.

ВОЗРАЖЕНІЕ УЧИТЕЛЯ

Н. ЛАМБИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

1860.

2007110039

ОПУБЛИКОВАНО

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, Апрѣля 23-го дня 1860 года.

Цензоръ *А. Ярославцовъ*

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
10185-69

О НАЧАЛѢ РУСИ. (*)

«Только нахальное невѣжество глумится надъ авторитетами, точно такъ, какъ ограниченная бездарность имъ раболѣпствуетъ. Раболѣпство предъ ученымъ должно оскорбить его память, если онъ умеръ, или заслужить презрѣніе, если онъ живъ.» . . . . . .
. . . . «Я увѣренъ, что пересталъ бы уважать самого себя и потерялъ бы ваше уваженіе, если бы побоялся вашего авторитета, чтобы высказать собственныя свои убѣжденія.»
Слова г. Костомарова. (Диспутъ, стр. 288).

На родство съ варяго-руссами, загадочными основателями Русскаго государства, претендовали и финны, и шведы, и датчане, и фрисландцы, и разныя поколѣнія славянскія, и пруссы, и хозары, и турки, и—кажется, еще какіе-то народы. Отъ имени каждаго изъ нихъ предстали предъ верховнымъ трибуналомъ, называемымъ Исторіей, болѣе или менѣе искусные, но равно усердные и горячіе адвокаты, и затѣяли борьбу нешуточную, которая длилась чуть ли не болѣе столѣтія—отъ Татищева и Байера до гг. Погодина и Куника включительно. Хотя уже съ самаго начала побѣда видимо склонялась на сторону поборниковъ норманскаго, и именно шведскаго происхожденія варяговъ-руси, однако противники ихъ не унывали: падалъ одинъ, выступалъ другой, и борьба длилась. Особенною рьяностію отличались тѣ изъ нихъ, которые стремились, во что бы то ни стало, провозгласить Рюрика

(*) Эта статья была 18 марта, за два дня до диспута гг. Погодина и Костомарова, вручена редактору одного изъ наиболѣе самостоятельныхъ петербургскихъ журналовъ, съ просьбою увѣдомить въ возможной скорости, можетъ ли она быть напечатана въ его журналѣ. Обѣщавъ дать отвѣтъ не позже вторника (22 марта), г. редакторъ не ранше четверга объявилъ, что онъ согласенъ напечатать эту статью, но только съ пропускомъ нѣкоторыхъ мѣстъ, и просилъ дать сроку еще до понедѣльника (28 марта), чтобъ отмѣтить тѣ мѣста, которыя онъ находитъ лишними.... Въ понедѣльникъ авторъ взялъ свою статью обратно и рѣшился издать ее отдѣльною брошюрою, дополнивъ нѣкоторыми примѣчаніями касательно мнѣній, высказанныхъ на *диспутѣ*, который уже напечатанъ въ «Современникѣ» № 3, 1860 г.

и его спутниковъ славянами чистѣйшей крови. Опираясь на ложно понимаемый патріотизмъ, льстя національному самолюбію, они смущали многихъ, и гордо держали славянское знамя. Но трибуналъ не вѣрилъ ихъ восторженнымъ мечтаніямъ, требовалъ ясныхъ доказательствъ, законныхъ документовъ... Тогда-то изъ шумнаго ихъ лагеря выступили неистовые скептики, съ яростію напали на Нестора, на лѣтописи, объявили все сомнительнымъ, подложнымъ, фальшивымъ. Но, разрушая и уничтожая все, они скоро погребли и самихъ себя подъ грудою развалинъ. Наконецъ и славянисты выбились изъ силъ, запутались въ лабиринтѣ своихъ фантазій, и хотя не умолкли еще, но, по-крайней мѣрѣ, отказались отъ варяговъ и руси, предоставивъ ихъ въ добычу соперникамъ, которыхъ съ досады обругали скандинавоманами. —Ну, слава Богу! сказали судьи, подписавъ приговоръ и сдавъ дѣло въ архивъ для храненія. Слава Богу! повторили и зрители, которымъ этотъ столѣтній процессъ успѣлъ уже надоѣсть порядкомъ...

Съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ 15. Побѣдители торжествовали, о прежнихъ спорахъ не было и помину. Появилась, правда, не далѣе какъ въ прошломъ году, какая-то книжонка, трактовавшая о славянинѣ Рюрикѣ, родомъ, никакъ, изъ Старой Руссы, но она, кажется, уже канула въ Лету, не вызвавъ ни малѣйшей зыби на ея сонной поверхности. Заглянувъ, какъ-то недавно, въ эту книжонку, заинтересовавшую насъ своимъ заглавіемъ, мы было подумали, что въ наше время подобныя мечтанія славянофиловъ возможны только при совершенномъ незнакомствѣ съ лѣтописью, съ наукою, но что они никого изъ людей мыслящихъ не могутъ уже сбить съ толку; мы были вполнѣ увѣрены, что мнѣніе о нормапскомъ происхожденіи варяговъ-руси, признанное и утвержденное всѣмъ ученымъ міромъ, есть уже неотъемлемое достояніе науки, что это истина, въ которой, по-крайней-мѣрѣ, никто изъ ученыхъ, спеціально занимающихся отечественною исторіей, усомниться не можетъ. Но, никакъ, мы ошиблись...

Въ № 1-мъ «Современника» нынѣшняго года (стр. 5—32) появилась статья г. Костомарова «Начало Руси», съ сентиментальнымъ эпиграфомъ изъ литовской пѣсни, воспѣвающей о стремленіи сердца въ село Русь, гдѣ растетъ цвѣточекъ. Цѣль этой статьи, какъ видно уже изъ самаго эпиграфа, —доказать, что Рю-

рикъ былъ не норманнъ, не шведъ, а литовецъ изъ поколѣнія жмуди.

Г. Костомаровъ пользуется почетною извѣстностію не только въ ученомъ кругу, но и у всей читающей публики, а потому понятно, что новая статья его должна была возбудить говоръ и толки.—«Читали вы статью о началѣ Руси?»—«Какъ вы о ней думаете?»—«Не угрожаетъ ли она переворотомъ?»—вотъ вопросы, которые мы слышали уже отъ многихъ. Даже сидящіе на школьныхъ скамьяхъ уже встревожились, воображая, что имъ предстоитъ новый трудъ. «Не даромъ ли» — спрашиваютъ они—«потратили мы время на изученіе норманскаго элемента и его вліянія на русское государство»?—«Не придется ли намъ переучивать все начало русской исторіи?» А нѣкоторые изъ нихъ даже замѣчали намъ, что новое мнѣніе о началѣ Руси кажется имъ естественнѣе прежняго! И не одни учащіеся такъ думаютъ. Въ томъ же № 1-мъ «Современника» рецензентъ уже посмѣивается надъ г. Погодинымъ, по поводу его сочиненія «Норманскій періодъ русской исторіи», и, превознося статью г. Костомарова, какъ-бы предсказываетъ паденіе прежняго и торжество новаго мнѣнія о началѣ Руси. «Что теперь сдѣлаетъ г. Погодинъ?»—спрашиваетъ рецензентъ. «Всего обиднѣе то», продолжаетъ онъ, «что г. Костомаровъ и знать не хочетъ *варяговъ*, на имени которыхъ г. Погодинъ основалъ половину своихъ доказательствъ. — Мало ли кто звался варягами, говоритъ новый изслѣдователь;—намъ нужны только тѣ изъ нихъ, которые назывались *Русью*. — И вѣдь справедливо и убѣдительно: прочтите сами»... «Кто внимательно прочтетъ «Начало Руси», г. Костомарова, тотъ увидитъ», полагаетъ г. рецензентъ, «что онъ стоитъ гораздо ближе къ истиннымъ воззрѣніямъ, нежели г. Погодинъ съ своимъ *математическимъ* методомъ».

Вотъ, съ какимъ шумомъ появилась статья г. Костомарова. Она, очевидно, выражаетъ собою апелляцію къ публикѣ на приговоръ ученыхъ нѣмцевъ по дѣлу о началѣ Руси; такъ поняли ее и «Санктпетербургскія Вѣдомости» (№ 48, 1860), которыя вызываютъ уже «Норманнофиловъ» къ отвѣту. Этотъ вызовъ до насъ-собственно не касается, наше дѣло — сторона: мы не участвовали ни въ спорахъ, ни въ постановленіи приговора о норманствѣ Руси, мы не связаны никакимъ печатно-высказаннымъ

мнѣніемъ по этому вопросу. Но мы уже 25 лѣтъ преподаемъ Отечественную Исторію, и ежегодно болѣе сотни учащихся слышало отъ насъ, что Рюрикъ былъ норманнъ; всѣ они въ правѣ теперь потребовать насъ къ отвѣту за это мнѣніе, и намъ совѣстно было бы оправдываться указаніемъ на учебники. Вотъ почему мы считаемъ себя обязанными разсмотрѣть съ должнымъ вниманіемъ статью г. Костомарова и высказать печатно тѣ убѣжденія наши о началѣ Руси, которыя мы 25 лѣтъ излагали изустно.

Мнѣніе свое о литовскомъ происхожденіи пришедшей къ намъ руси г. Костомаровъ основываетъ: 1) на нашей древней лѣтописи, и 2) на средневѣковыхъ германскихъ лѣтописцахъ. — Выписавъ извѣстное сказаніе Нестора (Полн. Собр. Лѣт. 1, 8) объ изгнаніи варяговъ, о посольствѣ «за-море къ Варягомъ къ Руси», и о прибытіи оттуда призванныхъ князей въ землю славянъ и финновъ, авторъ говоритъ (стр. 6): «Прежде разсмотрѣнія самаго факта, слѣдуетъ стать на ту точку зрѣнія, на которой находился лѣтописецъ, чтобъ не приписывать ему того, о чемъ онъ не думалъ, и не выводить изъ сказаннаго имъ того, чего не слѣдуетъ». Затѣмъ, указавъ на византійское происхожденіе имени «Варязи», онъ утверждаетъ, что во времена лѣтописца, въ XI и XII столѣтіяхъ, «подъ варягами разумѣли не одинъ какой-нибудь народъ, а неопредѣленную массу народовъ, жившихъ при морѣ, которое у русскихъ получило названіе Варяжскаго отъ служилыхъ иноземцевъ, проходившихъ черезъ земли русскихъ славянъ» (стр. 7). «Слово варягъ», замѣчаетъ онъ далѣе, «въ XI, XII и XIII вѣкахъ значило въ нѣкоторомъ смыслѣ то же, что теперь слово нѣмецъ у простолюдиновъ, означающее вообще западнаго европейца». Слѣдовательно, по мнѣнію автора, и лѣтописецъ придавалъ этому слову такое же обширное значеніе, т. е. называлъ варягами вообще всѣхъ народовъ, обитавшихъ по берегамъ Балтійскаго моря. Вотъ первое, *основное положеніе*, съ котораго г. Костомаровъ начинаетъ свое изслѣдованіе.

Между этими варяжскими народами на балтійскомъ побережьи былъ одинъ, который у лѣтописца названъ *русью*, и къ которому отправлено было посольство для призванія князей: «Идоша за море къ Варягомъ къ Руси: сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свое, друзіи же Урмане, Аньгляне, друзіи

Гъте; тако и си» 1). — Хотя это мѣсто лѣтописи, въ которомъ исчислены не всѣ обитатели балтійскаго побережья, а только пять народовъ, названныхъ общимъ именемъ «Варязи», — уже противорѣчитъ положенію г. Костомарова, но это противорѣчіе онъ устраняетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ (стр. 8): «Вѣроятно въ головѣ лѣтописца ихъ (варяжскихъ народовъ) было и больше, да онъ не счелъ нужнымъ здѣсь всѣхъ пересчитывать, потому что привелъ ихъ единственно для того, чтобъ отличить отъ другихъ варяговъ тѣхъ изъ нихъ, которые назывались русь, дабы читающій зналъ, что русь не свѳе, не урмяне, не англяне, не готы и не что другое еще, а русь». Оправдавъ такимъ образомъ свое положеніе, на основаніи котораго можно отъискивать русь во всѣхъ углахъ балтійскаго поморья, авторъ легко находитъ этотъ таинственный народъ на восточныхъ предѣлахъ Пруссіи, при низовьяхъ Нѣмана, т. е. тамъ же, гдѣ и Ломоносовъ отъискалъ своихъ славянскихъ руссовъ. «Русь — говоритъ авторъ — дѣйствительно находилась на балтійскомъ поморьи въ низовьѣ рѣки Нѣмана, которое называется *по-литовски* Русь. На множествѣ картъ XVI, XVII и XVIII вѣка можно найти *эти* названія (?). Такъ въ большомъ атласѣ Янсона *истокъ* (?) Нѣмана названъ Русь, а изъ тринадцати устьевъ его третье носитъ названіе Alt Russe, а шестое Russe sive Holm» (стр. 9). Мы привели это мѣсто буквально, подчеркнувъ нѣкоторыя слова, потому что не совсѣмъ-то понимаемъ, что́ именно, низовья ли Нѣмана, или истокъ его, или только два устья, или, дѣйствительно, все вмѣстѣ называется *Русь*? и по-литовски ли это, т. е. слово *русь* литовское ли по своему корню и звуку, или это только русскій переводъ названій, означенныхъ на картахъ? Вѣроятно, на картахъ, о которыхъ здѣсь говорится, названія мѣстъ и рѣкъ латинскія или нѣмецкія; если же рѣка на картѣ надписана по-нѣмецки Russe, то развѣ можно назвать ее по-русски *Русь*? Вѣдь это все равно, какъ еслибъ мы какого-нибудь нѣмца, котораго величаютъ Herr Gusse, стали называть *господинъ Гусь*! Право, не ловко! Пожалуй, обидится нѣмецъ. — Впрочемъ, вѣроятно, г. Костомаровъ и не считалъ за нужное передавать эти названія

---

1) Полн. собр. лѣт. I, 8.

съ ученою точностію и ясностію, очень хорошо понимая, что карты XVI, XVII и XVIII столѣтій не могутъ имѣть никакой доказательной силы тамъ, гдѣ дѣло идетъ о IX вѣкѣ; а потому оставимъ ихъ, и перейдемъ къ другимъ, болѣе важнымъ свидѣтельствамъ о литовской Руси IX вѣка.

Свидѣтельства эти г. Костомаровъ отыскалъ у Петра Дюисбургскаго, лѣтописца прусскаго ордена, у Адама Бременскаго, у Титмара, и у другихъ лѣтописцевъ и біографовъ, изданныхъ Пертцемъ; далѣе, въ двухъ договорахъ Ягелло съ прусскимъ орденомъ, заключенныхъ въ 1422 и 1436 годахъ, у польскаго историка Длугоша и еще въ какихъ-то двухъ нѣмецкихъ лѣтописяхъ. Въ этихъ источникахъ, судя по приведеннымъ изъ нихъ цитатамъ, упоминается: a) о странѣ, называемой Ruschia, Russia, Ruscia, Ruschigena, которая лежала на восточной границѣ Пруссіи, въ низовьяхъ Нѣмана, b) о какомъ-то лицѣ Sudovita dictus Russigenus, c) о народѣ Rutheni, который девять лѣтъ осаждалъ какую-то нагорную крѣпость близъ города Рагниты въ Пруссіи, и наконецъ d) о рѣкѣ, по имени Russna, указанной только въ договорахъ Ягелло, при опредѣленіи границъ между Литвою и владѣніями Ордена.

Хотя эти латинскія названія не совсѣмъ-то похожи на *русь* по своему звуку, хотя и самые писатели, у которыхъ они встрѣчаются, принадлежатъ, за исключеніемъ не многихъ, къ довольно позднему времени, такъ же, какъ и упомянутые договоры, и потому едва ли могутъ быть признаны законными свидѣтелями въ тяжбѣ, касающейся IX вѣка; но мы, пожалуй, готовы признать ихъ показанія достаточными, и допустить, что въ IX вѣкѣ при низовьяхъ Нѣмана дѣйствительно жилъ какой-то литовскій народецъ, называвшійся *русь*; даже готовы согласиться, что именно изъ этой руси призваны были три брата «княжить и владѣть нами», но это согласіе мы даемъ только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ—*если позволитъ нашъ почтенный и правдивый Несторъ*, т. е. если онъ допуститъ насъ искать свою русь при устьяхъ Нѣмана, и если согласится признать эту новонайденную, литовскую русь за своихъ варяговъ. Вотъ conditio sine qua non;—безъ Нестора ни на шагъ. Надѣемся, что г. Костомаровъ одобритъ наше условіе, потому что онъ и самъ, какъ видно, очень ува-

жаетъ нашего древняго лѣтописца, хотя и не называетъ его нигдѣ по имени.

Итакъ, позволитъ ли Несторъ, согласится ли онъ признать литовскую русь варягами?—Г. Костомаровъ, кажется, вполнѣ увѣренъ въ его согласіи, потому что эта русь жила при Балтійскомъ морѣ, а лѣтописецъ называетъ варягами всѣхъ прибалтійскихъ народовъ. Да, полно, такъ-ли? Спросимъ-ка лучше самого хозяина. Авось, онъ укажетъ намъ «точку зрѣнія»—не ту, на которую произвольно поставилъ его г. Костомаровъ, а *настоящую*, ту, съ которой онъ дѣйствительно смотрѣлъ на дѣло;—авось, объяснитъ намъ положительно, кого онъ называетъ варягами, кого не варягами, и гдѣ именно слѣдуетъ искать варяговъ, гдѣ русь? Вотъ его слова, безъ которыхъ въ вопросѣ о варягахъ нельзя ступить ни шагу, и которыя, однакожъ, не приведены почему-то г. Костомаровымъ: «Ляхове же, *и* Пруси, *и* Чюдь присѣдятъ къ морю Варяжьскому; по сему же морю сѣдятъ Варязи сѣмо ко въстоку до предѣла Симова, по тому же морю сѣдятъ къ западу до земль Агнянски и до Волошьски;(.)»2)

Спрашиваемъ: Ляхове, Пруси и Чудь варяги ли?—Нѣтъ, они только присѣдятъ къ морю Варяжскому. Но мы знаемъ, что они и въ IX и въ XI вѣкѣ населяли все южное и юго-восточное балтійское поморье, отъ южныхъ предѣловъ Даніи до Финскаго залива. Слѣдовательно, здѣсь нельзя искать варяговъ, здѣсь имъ не было мѣста. Они, конечно, сидѣли по тому же, балтійскому морю, но только на другомъ, противуположномъ берегу, а этотъ берегъ — къ величайшему прискорбію всѣхъ славянофиловъ — *скандинавскій*. Такъ вотъ гдѣ должно искать варяговъ! Замѣтимъ при этомъ, съ какою точностію и опредѣлительностію выражается лѣтописецъ: одни народы у него только «присѣдятъ къ морю», другіе же «сѣдятъ по морю», т. е. живутъ не только по берегамъ, но и по самому морю, на островахъ. И мы знаемъ опять, что это совершенная правда: не только во время Нестора, но и задолго до него всѣ острова Балтійскаго моря, за исключеніемъ развѣ ближайшихъ къ южному берегу, были заселены скандинавами, норманнами.—Слѣдовательно, вотъ Несторовы «Варязи»(*).

---

2) Полн. собр. лѣт. I, 2.

(*) Въ письмѣ, читанномъ на диспутѣ, г. И. указалъ на слова Несторо-

Но однимъ только указаніемъ мѣста ихъ жительства Несторъ еще недовольствуется. Какъ-будто желая предупредить и отстранить всякіе споры и толки о варягахъ, онъ продолжаетъ (это мѣсто также незамѣчено г. Костомаровымъ): «Афетово бо и то

вой космографіи: «Ляхове же, и Прусь, и Чудь присѣдять къ морю Варяжскому; по сему же морю сѣдять Варязи».... и справедливо замѣтилъ, что этими словами лѣтописецъ ясно исключаетъ Ляховъ, Прусь и Чудь изъ числа варяговъ. На это г. К. возражаетъ (*Дисп.* стр. 279): «Но въ космографіи не высказано ясно, въ какомъ смыслѣ разумѣется слово «варязи»: вообще ли это жители варяжскаго поморья, или особый народъ по племени; и если послѣднее, то также не ясно, родовымъ или видовымъ именемъ считать это слово.»—Если это «не высказано ясно,» то какое же право имѣлъ г. К. предполагать, будто лѣтописецъ подъ именемъ «варязи» разумѣлъ всѣхъ прибалтійскихъ народовъ? А между-тѣмъ вся его теорія о литовской руси основывается единственно на этомъ шаткомъ, произвольномъ предположеніи, котораго онъ ничѣмъ не подкрѣпилъ ни въ своей статьѣ, ни на бывшемъ диспутѣ. Возражая на письмо г. П. и стараясь доказать неопредѣленность имени «варязи», онъ говоритъ далѣе (тамъ же): «Если бы теперь кто-нибудь писалъ космографію прибалтійскаго края, вѣдь могъ бы онъ написать: «шведы и датчане обитаютъ по берегамъ Балтійскаго моря; берега морскіе заселены прибалтійскими жителями вплоть до устья Торнео». Развѣ въ словѣ «прибалтійскими жителями» вы бы могли узнать о единствѣ этихъ жителей съ датчанами и шведами, или о не сходствѣ ихъ?»—Замѣтимъ, что этотъ «кто-нибудь» говоритъ не сходно съ Несторомъ, что у него складъ рѣчи совсѣмъ другой, и все-таки изъ его словъ г. К. не можетъ ничего заключить касательно принадлежности или не принадлежности шведовъ и датчанъ къ прибалтійскимъ народамъ, а ляховъ, прусь и чудь признаетъ однако варягами! Но вѣдь этотъ «кто-нибудь» могъ бы, копируя въ точности форму выраженія нашей лѣтописи, сказать: «шведы же и датчане живутъ у (*или* близъ) Балтійскаго моря; по этому же морю обитаютъ Балтійцы сюда къ востоку до такого-то предѣла, по тому же морю обитаютъ они къ западу до такихъ-то мѣстъ.» Въ такомъ случаѣ имя «Балтійцы» было-бы у него такое же неопредѣленное, какъ и «Варязи» у Нестора, однако могли ли бы мы хоть на минуту усомниться въ томъ, что шведы и датчане, хотя и живущіе близъ Балтійскаго моря, не Балтійцы, что они прямо и ясно исключаются изъ числа послѣднихъ? То же самое должно сказать и касательно ляховъ, пруси и чуди у Нестора. Еслибъ Несторъ дѣйствительно считалъ ихъ варягами же, то онъ навѣрное съумѣлъ бы выразиться съ такою же ясностію и опредѣлительностію, какъ и вездѣ въ своей лѣтописи: ему стоило бы только приставить передъ «Варязи» словечко «прочіи», т. е. написать: «Ляхове же, и Прусь, и Чудь присѣдять къ морю Варяжскому, по сему же морю сѣдять прочіи Варязи».... и т. д. Но этого словечка, столь необходимаго для прочности

колѣно—(:) Варязи:(,) Свеи, Урмане, Готѣ, Русь, Агняне.(,) Галичане, Волъхва, Римляне, Нѣмци, Корлязи, Веньдици, Фрягове и прочіи(;) ложе присѣдять отъ запада къ полуденью и съсѣдяться съ племянемъ Хамовымъ» 3).

Знаки препинанія, поставленные здѣсь въ скобкахъ, принадлежатъ издателю Полн. собр. лѣт., который скопировалъ ихъ изъ «Нестора», изданнаго Тимковскимъ. Мы замѣнили ихъ, какъ явно-неправильные, другими, и потому должны, во первыхъ, объяснить основанія допущенной нами перемѣны.

Предложеніе, начинающееся словами: «Афетово бо» .... должно быть отдѣлено отъ предъидущаго не точкою, а только точкою съ запятою, потому–что оно содержитъ мысль не самостоятельную, а зависимую, поясняющую имя «Варязи» предъидущаго предложенія, т. е. указывающую, что варяги не народъ, какъ ляхи, прусь, чудь и прочіе прежде-исчисленные, а цѣлое отдѣльное колѣно Іафетово, состоящее изъ нѣсколькихъ вѣтвей, или народовъ. На такое подчиненное значеніе этого предложенія ясно указываетъ союзъ *бо*, который и въ другихъ мѣстахъ лѣтописи всегда употребляется только въ предложеніяхъ зависимыхъ, поясняющихъ въ какомъ-либо отношеніи предъидущую мысль; напр. «Идоша за море къ Варягомъ къ Руси»—слѣдуетъ объясненіе «сіце бо ся звахуть тьи Варязи Русь» и проч. Примѣровъ подобнаго употребленія союза *бо* можно привести множество. Двоеточіе должно стоять не впереди, а непремѣнно послѣ имени «Варязи», потому–что это имя, въ отношеніи къ слѣдующимъ за нимъ, есть общее, родовое, что ясно видно изъ другаго

теоріи г. К., нѣтъ ни въ одномъ спискѣ; а потому, какъ совершенно справедливо замѣтилъ самъ же г. К. въ своей статьѣ о началѣ Руси, мы не можемъ «приписывать лѣтописцу того, о чемъ онъ не думалъ» и не должны «выводить изъ сказаннаго имъ того, чего не слѣдуетъ». Еслибъ лѣтописецъ дѣйствительно не высказалъ ясно, въ какомъ смыслѣ должно разумѣть имя «варязи», еслибъ онъ въ своей космографіи послѣ «и до Волошьски» не прибавилъ никакого дальнѣйшаго объясненія о варягахъ, то мы должны бы принять это имя въ томъ же смыслѣ, какъ и прочія, прежде-исчисленныя у него имена, т. е. должны бы признать варяговъ отдѣльнымъ народомъ; но и этого показанія, которымъ, какъ увидимъ, лѣтописецъ однако не ограничивается, было бы совершенно достаточно для того, чтобъ не считать ляховъ, пруся и чудь варягами.

3) Полн. собр. лѣт. I, 2.

мѣста лѣтописи (Полн. собр. лѣт. I, 8), гдѣ говорится, что одни варяги назывались русь, другіе называются свеи, третьи урмяне и проч. Если бы лѣтописецъ хотѣлъ выразить здѣсь—какъ выходитъ по прежней пунктуаціи—слѣдующую мысль: «сверхъ вышеисчисленныхъ народовъ, къ Іафетову колѣну принадлежатъ еще и нижеслѣдующіе: Варязи, Свеи» . . . и проч., то онъ, во первыхъ, не могъ бы употребить союза *бо*, по причинѣ, сейчасъ нами объясненной, во вторыхъ, не могъ бы повторить имени «Варязи», уже упомянутаго выше, и въ третьихъ, сказалъ бы не *то кольно*, а *се кольно*; потому-что онъ въ другихъ мѣстахъ своей лѣтописи строго соблюдаетъ различіе между *то* и *се*: первое у него всегда указываетъ на отдаленное, прошедшее, вышесказанное, а второе на ближайшее, настоящее, нижеслѣдующее. Посему мы читаемъ это мѣсто по Лвр. списку такъ: Афетово бо (есть) и то (оное, вышеупомянутое) колѣно, т. е. Варязи (кои суть): Свеи»..и пр. Если кому не нравится тире (—), поставленное нами вмѣсто *то есть* передъ «Варязи», тотъ можетъ, пожалуй, замѣнить его запятою, или можетъ не поставить никакого знака, написавъ только «Варязи» курсивомъ, ибо все дѣло въ томъ, чтобы отличить это названіе какъ родъ, какъ цѣлое отъ слѣдующихъ за нимъ видовъ, или частей, съ которыми оно никакъ не можетъ быть поставлено, такъ-сказать, на одну доску. Впрочемъ, должно замѣтить, что Лвр. списокъ неточно выражаетъ здѣсь мысль лѣтописца: «Афетово бо и то колѣно—Варязи» указываетъ, что и прежденсчисленныя имена также означаютъ колѣна, и что къ нимъ придается *еще оное* колѣно Варязи; но лѣтописецъ не то разумѣетъ, онъ именно различаетъ «Варязи», какъ колѣно Афетово, отъ прежденазванныхъ народовъ, живущихъ въ Іафетовой части, слѣдовательно союзъ *и* здѣсь совершенно лишній, и первоначальное подлинное чтеніе должно быть: «Афетово бо колѣно то Варязи», чтеніе, уцѣлѣвшее въ Рдз. и Трц. спискахъ 4). Сколько же вѣтвей или народовъ причисляетъ лѣтописецъ къ Іафетову колѣну, называемому «Варязи»? Основываясь, во первыхъ,

---

4) Вотъ всѣ чтенія этой фразы въ нашихъ спискахъ: «афетово бо и то колѣно—варязи» *Лвр.*, афетово же колѣно и то вар.... *Ип.*, аф... бо кол. и то вар.... *Хл. Сф. Ник.*, аф. бо колѣно вар... *Вскр.*, «афетово бо колѣно то варязи» *Рдз. Трц.*

на его показаніи, что варяги «сѣдять къ западу до земль Агнянски и до Волошьски», и, во вторыхъ, на его же объясненіи: «сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свое»... и проч.—объясненіи, въ которомъ исчислены только пять варяжскихъ народовъ, мы въ правѣ заключить, что и здѣсь къ варягамъ причисляются только тѣ же пять народовъ, которыхъ имена и слѣдуютъ послѣ поставленнаго нами двоеточія, а потому послѣ пятаго изъ нихъ «Англяне» мы ставимъ точку, и ставимъ смѣло, потому-что земля Агнянская и Волошьская (т. е. Англія и Сѣв. Франція, или Нормандія, Valland скандинавскихъ памятниковъ—какъ толкуютъ ученые) указаны у Нестора какъ геркулесовы столпы, за которые міръ варяжскій не простирался. (*)

(*) «Если же,» говоритъ г. К., «варяги — родъ, а прочіе слѣдующіе за этимъ именемъ народы—видовыя названія, заключающіяся въ понятіи этого рода, тогда не только свеи, урмяне, готы, но и римляне и волхва будутъ варяги; слѣдовательно къ варягамъ будутъ причислены и народы вовсе не скандинавскаго племени, какъ напр. римляне и волхва» (*Дисп.* стр. 279). Да можно ли предполагать въ Несторѣ такое невѣжество, чтобъ онъ не зналъ гдѣ Римъ и римляне! чтобъ онъ могъ представлять себѣ римлянъ живущими на сѣверѣ, за Варяжскимъ моремъ, гдѣ-то на пространствѣ отъ предѣла Симова на западъ до Англіи и Нормандіи?! Мы указали основанія, въ силу которыхъ точка должна стоять послѣ «Агняне», и число варяжскихъ народовъ не можетъ быть ни больше, ни меньше пяти; докажите же намъ, что это не такъ, что, смотря съ точки зрѣнія лѣтописца, должно причислить къ варягамъ еще галичанъ, волхву и римлянъ, или, можетъ быть, и всѣхъ остальныхъ народовъ до «и прочіи» включительно. Но только что же въ такомъ случаѣ дѣлать съ словами «доже присѣдять отъ запада къ полуденью и съсѣдятся съ племянемъ Хамовымъ»? Кто будутъ тогда эти *присѣдящіе и сосѣдящіе*, если мы всѣхъ исчисленныхъ народовъ признаемъ варягами, сидящими по Варяжскому морю до Англіи и Нормандіи?... Нельзя, значитъ, всѣхъ этихъ народовъ причислить къ варягамъ, надо оставить хоть нѣкоторыхъ для заселенія юго-западной Европы, которую Несторъ не могъ же воображать пустынею. Гдѣ же поставить точку, гдѣ провесть черту, отдѣляющую варяговъ отъ не-варяговъ? Нѣтъ сомнѣнія, что англяне—варяги. А римляне?... Несторъ такъ часто упоминаетъ въ своей лѣтописи о Римѣ и римлянахъ, что никакъ не возможно полагать, чтобъ онъ не зналъ гдѣ они находятся; слѣдовательно, римляне—не-варяги. Между этими именами въ космографіи стоятъ «Галичане» и «Волъхва», которыхъ мы признали не-варягами. По такъ-какъ этихъ народовъ теперь нѣтъ и эти имена для насъ вовсе неизвѣстны, то, пожалуй, допустимъ, что Несторъ

Такимъ образомъ, періодъ, начинающійся именемъ «Ляхове», оканчивается именно этою точкою, и заключаетъ въ себѣ опредѣленіе жилищъ народовъ прибалтійскихъ, съ поясненіемъ значенія имени «Варязи», т. е. указываетъ настоящую «точку зрѣнія», съ которой лѣтописецъ смотритъ на варяговъ, и съ которой онъ и впослѣдствіи нигдѣ не сходитъ. Далѣе же, начиная съ имени «Галичане», (т. е. Испанцы, какъ опять толкуютъ ученые) идетъ у него уже перечень народовъ не-варяжскихъ, что опять

разумѣлъ подъ ними также варяговъ, т. е. что онъ простиралъ предѣлы варяжскаго міра на западъ до Англіи и Нормандіи включительно, и называлъ волхвою обитателей земли Волошьской, французскихъ норманновъ, а галичанами другихъ норманновъ, господствовавшихъ гдѣ-нибудь въ Нидерландахъ и слившихся впослѣдствіи съ туземцами, подобно тому, какъ варяги-русь слились съ славянами. Въ такомъ случаѣ наша точка поставится послѣ «Волъхва.» Но легче ли отъ этого для «Руси»? развѣ чрезъ это она высвободится изъ числа варяжскихъ народовъ? Напротивъ, она еще крѣпче заседетъ между ними, ибо три народа будутъ впереди и три сзади. Всячески старался высвободить эту русь изъ числа народовъ афетова колѣна «Варязи», чтобъ сдѣлать ее литовскою, г. К. говоритъ далѣе (*Дисп.* стр. 280): «Такъ какъ мѣсто ея между готами и англянами, то я не знаю какая это русь, и думаю, что скорѣе всего литовская (между готами и англянами!), но можетъ быть также и наша, попавшая не на свое мѣсто, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ спискахъ нѣтъ этого слова». Дѣйствительно, его нѣтъ въ спискахъ *Рдз.* и *Трц*; но спрашивается: что же естественнѣе, пропускъ ли этого имени въ двухъ до того сходныхъ между собою спискахъ, что ихъ можно считать копіями, снятыми съ одного оригинала, или вставка его во всѣхъ прочихъ, какъ древнихъ, такъ и позднѣйшихъ спискахъ, весьма различныхъ по своему составу? Какъ объяснить вѣроятность такой вставки — не знаемъ, но возможность пропуска очевидна: переписчикъ, списавъ «Въ Афетовѣ же части сѣдять: Русь».... и дошедъ до другой руси, вообразилъ, что это имя того же народа, повторенное здѣсь ошибкою, и потому пропустилъ его. Но что эта «Русь» непремѣнно должна стоять здѣсь — доказывается другимъ мѣстомъ лѣтописи: «Идоша за море къ Варягомъ къ Руси; сице бо ся зваху тьи Варязи Русь».... Если *эта* русь не наша, а другая, то и въ космографіи, кромѣ нашей руси, непремѣнно должна быть и другая русь, которая можетъ казаться литовскою только въ такомъ случаѣ, если будемъ смотрѣть не съ точки зрѣнія лѣтописца. Но если разбирать нашу лѣтопись безъ всякой задней мысли, съ единственнымъ желаніемъ найти въ ней здравый смыслъ, а не безсмыслицу, то никакъ нельзя не признать этой руси вѣтвію варяжскаго племени, и нигдѣ нельзя съ большимъ правомъ поставить точку, отдѣляющую варяговъ отъ не-варяговъ, какъ послѣ «Англяне».

ясно изъ указанія мѣста ихъ жительства «отъ запада (отъ предѣловъ варяжскихъ) къ полуденью».

Но смыслъ лѣтописнаго сказанія объ этихъ западно-европейскихъ народахъ нѣсколько пострадалъ какъ отъ переписчиковъ, такъ и отъ издателей нашихъ лѣтописей, чему, очевидно, причиною было старинное выраженіе *«доже»*. Это выраженіе сохранилось здѣсь въ одномъ только Лвр. спискѣ; въ другихъ древнихъ спискахъ (Ип. Хл. Рдз. Трц.) оно пропущено, а въ спискахъ лѣтописи Соф. и Воскр., равно какъ и въ Ник. замѣнено выраженіемъ «ти же» (т. е. тѣ же). Тимковскій въ своемъ Лаврентьевскомъ Несторѣ поставилъ послѣ «прочіи» точку съ запятою и, признавъ «доже» опискою, замѣнилъ его чтеніемъ «ти же»; Бередниковъ въ Полн. собр. лѣт., удержавъ точку съ запятою, поставленную предшественникомъ, возстановилъ въ текстѣ чтеніе Лавр. сп. «доже», и такимъ образомъ составилъ фразу безъ подлежащаго: «доже присѣдять»... и проч. Очевидно, что ни тотъ, ни другой не понимали, что значитъ «доже»; а, кажется, угадать было не трудно, потому-что здѣсь эта частица повторяется у Нестора уже въ пятый разъ; выраженія же, въ которыхъ она употреблена прежде (на 1-й и 2-й стр.), ясно указываютъ, что это «доже» есть наше *даже*, какъ оно и передано во многихъ спискахъ. Вотъ эти выраженія: a) «Персида, Ватрь, тоже (*такъ* Лвр.; доже, даже—*во всѣхъ проч. сп.*) и до Индикія»... b) «отъ встока (доже, даже—*во всѣхъ, кромѣ* Лвр. и Трц.) и до полуденья».. c) «Ливія прилежащи (доже Ип. даже—*во всѣхъ, кромѣ* Лвр. и Хл.) до Киринія»... d) «и оттудѣ доже и (*нѣтъ въ* Соф. Воскр. Ник.) до Днѣпра»... Значитъ, и здѣсь выраженіе: такіе-то народы «доже присѣдять»... и проч. совершенно правильно и ясно; т. е. полная мысль лѣтописца слѣдующая: «Галичане, Волхва..... и прочіе сидятъ (живутъ) на западѣ, даже присѣдятъ отъ запада къ полуденной странѣ, и сосѣдствуютъ съ племенемъ Хамовымъ»; но первое логическое сказуемое *сидятъ на западѣ* не выражено, потому-что оно должно быть понятно каждому изъ послѣдующаго, ибо если такіе-то народы даже присѣдятъ отъ запада къ полудню, то само собою разумѣется, что они *и сидятъ* на западѣ. Для того, чтобы грамматическая связь этого предложенія съ предъидущими (Ляхове же..... и до Волошьски), указывающими жилища народовъ прибалтійскихъ—связь, нѣсколько

разорванная вставкою пояснительнаго предложенія «Афетово бо.... Агняне»—была ясніе, мы прибавили бы здѣсь передъ «Галичане» союзъ *А*, и на это мы имѣли бы отчасти право, на томъ основаніи, что въ нашихъ спискахъ весьма часто встрѣчаются мѣста, въ которыхъ союзы *и* и *а*, слѣдуя послѣ слова, кончающагося гласною буквою, очевидно пропущены переписчиками. Впрочемъ и безъ такого исправленія смыслъ этого предложенія и внутренняя, логическая связь его съ предъидущими совершенно ясны; слѣдуетъ только уничтожить нелѣпую точку съ запятою передъ «доже».—Позволимъ себѣ замѣтить, что, по нашему мнѣнію, было бы гораздо-лучше, если бы издатели древнихъ рукописей не измѣняли пунктуаціи подлинника въ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ смыслъ для нихъ не вполнѣ понятенъ.

Итакъ, Несторъ выражается о варягахъ совершенно ясно, опредѣлительно и съ такою точностію, какая только возможна въ немногихъ словахъ. Во-первыхъ, еще не упомяная имени варяговъ, онъ уже предварительно отдѣляетъ отъ нихъ обитателей южнаго балтійскаго поморья, чтобъ мы не смѣшивали ихъ съ варягами; потомъ, указываетъ протяженіе жилищъ варяговъ къ востоку и западу по тому же Балтійскому морю, къ которому присѣдятъ и другіе, не варяжскіе народы; далѣе, объясняетъ, что варяги не сбродъ разноплеменныхъ народовъ, а составляютъ одно, отдѣльное колѣно Іафетово, къ которому принадлежатъ только такіе-то, поименно указанные пять народовъ, и, наконецъ, исчисляетъ прочихъ европейскихъ народовъ, живущихъ на юго-западѣ, за предѣлами варяжскаго міра. — Ну, чего же мы хотимъ еще?... Не пальцемъ ли указываетъ Несторъ на Скандинавію, какъ на страну, гдѣ обитали варяги, а между ними и русь, единоплеменная съ прочими варяжскими народами? Почему же длился и длится у насъ съ такимъ упорствомъ этотъ странный споръ о варягахъ и руси? Изъ-за чего бились и хлопотали наши славянофилы, хозарофилы и прочіе разные филы, отыскивая русь чуть не по всему земному шару, выводя ее даже отъ «Гога-и-Магога князя Росъ», упоминаемыхъ у Іезекіиля?... Нѣтъ, видно, эти ученые нѣмцы—Байеръ, Миллеръ, Шлецеръ и другіе больше нашего уважали Нестора и, даже, лучше нашего понимали его, хотя и плохо знали по-русски. Они смѣкнули, что фантазія, мечтанія, увлеченія сердца хороши только

въ поэзіи, что изъ этихъ матеріаловъ можно построить только воздушные замки, а не исторію, что для рѣшенія вопроса о началѣ Руси, для разъясненія факта, случившагося 1,000 лѣтъ тому назадъ, нужно основаніе потверже, понадежнѣе. Вотъ, они и обратились къ Нестору, и сразу попали на прямую дорогу, нашли варяговъ и русь въ Скандинавіи. Но это открытіе намъ крѣпко не понравилось, мы разобидѣлись, и—сказать-ли?—было время, когда русскіе члены нашей Академіи подъ предсѣдательствомъ Третьяковскаго судили и осудили Миллера, признавъ, что рѣчь его, въ которой доказывалось происхожденіе Рюрика изъ Швеціи, «исполнена неправости въ разумѣ и направлена къ умаленію чести русскаго имени»! Но Шлецеръ началъ проповѣдывать то же мнѣніе, даже дерзнулъ разбирать и толковать наши лѣтописи — мы объявили его еретикомъ, врагомъ Россіи, и чуть не предали анаѳемѣ 5). Досталось и прочимъ поборникамъ этого мнѣнія, какъ нѣмцамъ, такъ и русскимъ: всѣхъ ихъ прозвали *скандинавоманами*, для означенія же направленія ихъ дѣятельности выковали особый полновѣсный глаголъ *скандинавоманить*. — А кто же, позвольте спросить, первый-то началъ скандинавоманить? — Прочтите-ка вышеприведенное мѣсто изъ Нестора о варягахъ..... Вотъ первый, древнѣйшій и самый упорный изъ скандинавомановъ! Ученые нѣмцы не болѣе какъ его послѣдователи; они своими разысканіями старались только подтвердить его показанія, и—паю признаться—трудились неутомимо, перерыли всѣ архивы, представили всѣ доводы — историческіе, географическіе, лингвистическіе—все, что только возможно было найти, чтобы защитить Нестора и убѣдить невѣрующихъ. Но, видно, усиліямъ ихъ суждено остаться тщетными дотолѣ, пока русская наука не освободится отъ антагонизма національностей; а на этомъ пути мы, кажется, еще недалеко ушли отъ временъ Третьяковскаго. У насъ и теперь слышатся тѣ же возгласы противъ ученыхъ нѣмцевъ, мы все еще подозрѣваемъ, что они, разработывая нашу исторію, стремятся не къ познанію истины,

---

5) См. Русск. Вѣстникъ 1810, № 3. То же 1811, №№ 4, 9. Вѣстникъ Европы 1811, №№ 18, 19. Въ нихъ весьма любопытны отзывы рецензентовъ о Шлецеровомъ Несторѣ, появившемся въ то время въ русскомъ переводѣ.—

а преслѣдуютъ какіе-то свои, дальновидные, коварные замыслы,— хотятъ, будто-бы, убѣдить насъ въ превосходствѣ своей, нѣмецкой породы передъ славянскою и доказать, что безъ нихъ, нѣмцевъ, русскимъ нѣтъ спасенія. «Для подтвержденія этой задушевной мысли» — такъ разсуждаютъ у насъ печатно въ 1860 году — «ученые нѣмцы выдумали призваніе князей изъ Скандинавіи: этимъ хотятъ указать, что славяне не способны, безъ вліянія нѣмецкаго элемента, къ устройству государственной и гражданской жизни». Но къ чему слова и фразы? къ чему голословныя обвиненія? Почему не обличить этихъ коварныхъ нѣмцевъ публично, самыми фактами? Они ссылаются на Нестора,—говорятъ, что не они, а онъ выдумалъ призваніе князей изъ Скандинавіи. Такъ чего же лучше? Списки лѣтописи Нестора у насъ подъ рукою, доступны всѣмъ и каждому; къ тому же и гласность теперь допускается повсюду, а въ дѣлѣ науки она никогда и не была воспрещаема. За чѣмъ же дѣло стало? Раскройте Нестора и докажите, что ученые нѣмцы не такъ понимаютъ его, что они толкуютъ его слова превратно, въ свою пользу, съ злымъ умысломъ. Объясните хоть только одно вышеприведенное сказаніе Нестора о варягахъ такъ, чтобы оно не могло служить основою мнѣнія о норманскомъ происхожденіи руси, постарайтесь только своротить этотъ камень изъ основанія зданія, воздвигнутаго учеными нѣмцами, и больше ничего не нужно,—зданіе рухнетъ само собою. Тогда вы можете уже свободно возвести на томъ же, но непремѣнно на томъ же краеугольномъ камнѣ (другаго основанія нѣтъ) ваше новое зданіе — литовской, или какой-угодно архитектуры. — Такъ своротите же камень, примитесь за трудъ древняго Сизифа....

Но г. Костомаровъ, какъ видно, полагаетъ, что это капитальное мѣсто Нестора о варягахъ можно обойти молча, оставить въ сторонѣ и, обратившись прямо къ факту призванія князей, указать на слова: «сіце бо сл зваху тьи Варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свое, друзіи же Урмане, Аньгляне, друзіи Гъте». На эти слова г. Костомаровъ налегаетъ съ особенною силою, толкуетъ ихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей статьи и, кажется, видитъ въ нихъ страшное орудіе, въ прахъ разбивающее всѣ толки о норманствѣ руси. На основаніи этихъ словъ онъ даже усомнился въ существованіи самаго Родслагена, откуда обыкно-

венно выводятъ нашихъ князей: «если бы даже нашелся», говоритъ онъ, «какой-нибудь загадочный, двусмысленный Родслагенъ въ Швеціи, то намъ не зачѣмъ отправляться туда за нашими князьями, послѣ того, какъ словомъ *друзіи* намъ сказали, чтобъ мы тамъ ихъ не искали» (стр. 15). Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, *друзіи* имѣетъ здѣсь такую всесокрушающую силу!?. Какъ же этого прежде никто не замѣтилъ, и не воспользовался такимъ оружіемъ для пораженія поборниковъ норманства? И — главное, какъ это Несторъ сперва такъ ясно указалъ на Скандинавію, какъ родину варяговъ и руси, а теперь на-отрѣзъ запрещаетъ отправляться туда за нашими князьями? — Нѣтъ, тутъ что-нибудь да не такъ. Посмотримъ, въ чемъ дѣло? Для чего нужно было Нестору, послѣ словъ «идоша за-море къ Варягомъ къ Руси», прибавить объясненіе: «сице бо ся звяху».. и пр? Неужели для того, какъ полагаетъ г. Костомаровъ, «дабы читающій зналъ, что русь не свое, не урмане, не англяне, не готы и не что другое еще, а русь»? Нѣтъ, вѣрно почтенный Несторъ былъ лучшаго мнѣнія объ умѣ своихъ читателей: что русь есть русь — это, кажется, не требовало поясненія, а надобно было пояснить, какая это была русь, обитавшая за-моремъ, потому-что во время лѣтописца, въ XI вѣкѣ, этой заморской, варяжской руси нигдѣ уже не было, а была другая русь, всѣмъ извѣстная и знакомая, именно наша православная русь, народъ русскій, земля русская; такъ вотъ, лѣтописецъ и разсудилъ весьма-основательно, что читатели его будутъ, пожалуй, смѣшивать эти двѣ руси, будутъ думать, что и тамъ, за-моремъ, между варягами, въ IX вѣкѣ была наша же русь, или какая-то родственная съ нашей. Слѣдовательно, чтобы противодѣйствовать такому ошибочному понятію, онъ почелъ необходимымъ объяснить, что эти варяги, которые тогда, во время призванія князей, назывались русью, были такіе же варяги, какъ и другіе, (вотъ *друзіи*), которые еще и теперь, въ наше время, (т. е. при лѣтописцѣ), называются свеи, урмане и проч. Вотъ что, по нашему мнѣнію, объясняетъ лѣтописецъ, и этимъ онъ нетолько не противорѣчитъ своему прежнему показанію, но, напротивъ, еще болѣе подкрѣпляетъ его, указывая, что эта заморская русь, въ XI вѣкѣ уже не существовавшая, была единоплеменна съ извѣстными въ то время варяжскими народами.—Гдѣ же, у какого народа должны мы по этому

указанію искать нашихъ первыхъ князей? Г. Костомаровъ полагаетъ, что «надобно искать ихъ единственно въ народѣ, жившемъ на балтійскомъ побережьѣ, и называемомъ русь» (стр. 3); но по точному смыслу сказанія выходитъ, что въ народѣ, *называемомъ* русь, именно и нельзя никакъ искать ихъ, а если искать, то надобно искать между такими варягами, которые въ эпоху призванія князей *назывались* русью, и которые послѣ такъ уже не назывались. Это ясно, во-первыхъ, изъ того, что объ нихъ говорится въ прошедшемъ времени «ся зваху», а не «зовуться», какъ надлежало бы сказать, если бъ они и во время лѣтописца еще назывались русью, и во-вторыхъ, изъ того, что послѣ эпохи призыванія князей объ этой заморской руси нигдѣ уже не упоминается. Несторъ знаетъ за-моремъ только варяговъ, которые оттуда, какъ наемники, часто являлись на службу къ нашимъ князьямъ: такъ, Аскольдъ и Диръ, овладѣвъ Кіевомъ, «многи Варяги съвокуписта», Олегъ и Игорь предпринимаютъ походы съ подвластными имъ племенами и съ варягами, Владиміръ бѣжитъ за-море къ варягамъ, и возвращается оттуда съ варягами, Ярославъ зоветъ изъ-за-моря на помощь варяговъ. Для другихъ нашихъ лѣтописцевъ за Варяжскимъ моремъ также извѣстны только варяги, да еще свеи и нѣмцы, упоминаемые съ XII вѣка; о заморской же руси рѣшительно нигдѣ не слышно. Слово *русь*, послѣ призванія князей, постоянно означаетъ уже нашу русь, т. е. народъ русскій, или русскую землю. Но куда же дѣвались заморскіе варяги-русь, къ которымъ славяно-финскіе послы отправились за князьями? — На это у Нестора отвѣтъ ясный: призванные князья «пояша по собѣ всю русь и придоша» 6). Стало-быть, эти слова непремѣнно должно по-

---

6) Касательно мѣста, куда прибыли варяги-русь и гдѣ сперва поселился Рюрикъ, наши списки разногласятъ: одни *Ип, Хл. Рдз. Трц.* и *л-цъ Переясл.* указываютъ на Ладогу, другіе же, позднѣйшіе — *Сф. Вскр. Ник.* и прочіе, равно какъ и исправленный по нимъ въ Полн. собр. лѣт. *Лвр.* — на Новгородъ. Г. Костомаровъ держится этого послѣдняго чтенія и ведетъ Рюрика прямо въ Новгородъ; но, кажется, уже доказано, что Ладога—первая резиденція Рюрика (такъ говорятъ и учебники), и что въ этомъ случаѣ чтеніе большинства списковъ «Древней лѣтописи»—единственно правильное. Постараемся составить это чтеніе изъ примѣчаній въ Полн. собр. лѣт., написавъ курсивомъ слова, пропущенныя въ *Лвр. сп.*, и означивъ варіанты въ скобкахъ.

«И изъбрашася 3 братья съ роды своими, пояша * по собѣ (=* собѣ

нимать въ буквальномъ смыслѣ, т. е. что всѣ тѣ варяги, которые въ эпоху призванія князей назывались русью, переселились вмѣстѣ съ своими князьями въ землю славянъ и финновъ, и—какъ опять ясно свидѣтельствуетъ Несторъ—сообщили свое имя этой землѣ и ея обитателямъ, особенно же народамъ славянскимъ.

Но,можетъ-быть, намъ укажутъ на Несторову космографію, гдѣ наша русь и русь варяжская упоминаются въ какую-то эпоху, какъ народы современно существующіе; можетъ-быть, замѣтятъ, что это противорѣчитъ показанію Нестора о переселеніи къ намъ всей варяжской руси вмѣстѣ съ призванными князьями; ибо, по смыслу сказанія, наша русь ведетъ свое начало только съ призванія князей, т. е. съ того времени, когда за-моремъ уже не должно было оста-

---

Рдз.) всю русь, и пріидоша *къ словѣномъ первое* (= первѣе, пръвое Ип. Хл.), *и срубиша городъ Ладогу* (лагоду Хл.), *и сѣде въ Ладозѣ* старѣй (=старѣйшій въ Ладозѣ Ип. Хл.; въ Лвр. *только* старѣишин, *но гдѣ сѣлъ—не сказано*) Рюрикъ, а другій Синеусъ (=сѣдеупасъ Рдз.) на Бѣлѣозерѣ, а третій въ Изборьску (= въ изборьсцѣ, изборцѣ, изборьстѣ Ип. Хл. Лвр.) Труворъ. Отъ тѣхъ *варягъ* прозвася Руская земля * Новгородъ. Тіи суть людье новогородци отъ рода варяжьска, преже бо бѣша словѣне (*отъ * пятъ въ* Ип. Хл.; *въ* Лвр. новугородьци *вм. Новгородъ*). По двою же лѣту Синеусъ умре, и братъ его Труворъ, и * пріа *всю* власть Рюрикъ (=*пріи Рюр. вл. всю Ип. Хл.) *одинъ, и пришедъ ко Илмерю* (=къ ильмерю Ип. Хл.), *и сруби городокъ* (= городъ Ип. Хл.) *надъ Волховомъ, и прозва* (=прозваша Ип. Хл.) *й* (*пятъ въ* Рдз.) *Новъгородъ, и сѣде ту княжа*, * раздая *волости* мужемъ своимъ (=* и разд. муж. св. волости Ип. Хл.; *въ* Лвр. и раздая мужемъ своимъ грады) *и* городы *рубити*: овому Полтескъ, (=полотескъ Лвр.), овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находници варязи а перьвіи насельници въ Новѣгородѣ словѣне, въ Полоцку (=полотьски Лвр.) кривичи, въ Ростовѣ меряне (=меря Лвр.), въ Бѣлѣозерѣ весь, въ Муромѣ мурома,—и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ.»

Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, Троицкій списокъ оказывается лучшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ. Къ-сожалѣнію, объ этой важной рукописи, никѣмъ прежде не описанной, почти ничего не сказано и въ Полн. собр. лѣт: «Рукопись въ четвертку, 261 л., писанная полууставомъ въ XV вѣкѣ; сходна съ Радзивиловскою»,—вотъ и все! Но однимъ ли почеркомъ она написана, или разными? и на какомъ матеріалѣ — на пергаминѣ, или на бумагѣ, и какой?—Ничего не знаемъ. Не знаемъ, слѣдовательно, и того, по какимъ признакамъ ее относятъ къ XV вѣку. Конечно, она кончается 1419 годомъ, но замѣчательно, что въ ней болѣе подробное повѣствованіе оканчивается нашествіемъ Батыя, 1238 годомъ, а отсюда до конца идутъ самыя краткія замѣтки, которыя, при множествѣ неполныхъ строкъ, занимаютъ въ Полн. собр. лѣт. всего $9^1/_2$ страницъ. Рукопись эта, неизвѣстная ни Карамзину, ни другимъ ученымъ, составляетъ, кажется, находку Археографической Коммиссіи, а потому слѣдовало бы познакомить съ нею покороче.

ваться никакой руси. Дѣйствительно, это обстоятельство затрудняло многихъ изслѣдователей. Г. Погодинъ (Изслѣд. II, 283) объясняетъ это такъ: «Русь означаетъ въ этомъ мѣстѣ Несторовомъ (т. е. на первомъ мѣстѣ въ космографіи) всѣ племена, составившія Русское государство. А сіе заставляетъ отчасти думать, что Несторъ относилъ исчисленіе, какъ и Степенная книга, ко времени позднѣйшему. Дѣйствительно, онъ говоритъ вездѣ въ *настоящемъ* времени: въ Афетовѣ же части *сѣдятъ*; Ляхове же, и Пруси, Чюдь *присѣдятъ* и пр.» О руси же, упоминаемой между варягами, онъ говоритъ (стр. 284): «Несторъ въ послѣднемъ случаѣ обращается, такъ-сказать, назадъ, желая представить своимъ читателямъ свѣдѣніе о происхожденіи Руси, племени собственно такъ называемаго, которое передало намъ свое имя, и которое безъ сего упоминовенія потерялось бы изъ виду». Это объясненіе слишкомъ натянуто. «Русь» на первомъ мѣстѣ въ космографіи дѣйствительно означаетъ племена славянскія, вошедшія въ составъ Русскаго государства, но отсюда, однако, не слѣдуетъ, чтобы эта, такъ-сказать, статистическая таблица народовъ, въ которой славяне разумѣются подъ именемъ руси, относилась «ко времени позднѣйшему», т. е. къ какой-либо эпохѣ, современной существованію Русскаго государства: она относится къ давно-минувшему времени, указываетъ неопредѣленно на эпоху, предшествовавшую началу Руси, когда варяги-русь дѣйствительно жили еще заморемъ, и когда славянскія племена не назывались еще русью, но однако находились уже на лице, жили на своихъ мѣстахъ. Русью же они названы здѣсь потому, что это позднѣйшее имя было во время лѣтописца общеизвѣстнымъ, господствующимъ ихъ названіемъ, понятнымъ для всѣхъ, и что они прежде, до соединенія въ государство, не имѣли никакого общаго имени; да еслибъ и имѣли какое-нибудь, но уже вышедшее изъ употребленія, то лѣтописцу не зачѣмъ было употреблять такое обветшалое имя, ибо цѣль его—быть понятнымъ для читателей. Конечно, онъ могъ бы сказать: «Въ Афетовѣ же части сѣдятъ: Словѣне, яже нынѣ зовомая Русь»—какъ говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ о Поляпахъ, но для краткости онъ предпочелъ назвать ихъ просто русью; точно такъ, какъ мы говоримъ: «Колумбъ открылъ *Америку*», вмѣсто—открылъ *новую часть свѣта, названную впослѣдствіи Америкою*. Такое употребленіе позднѣйшаго имени страны или народа при повѣствованіи о событіяхъ временъ давно-минувшихъ встрѣчается у Нестора и въ другихъ мѣ-

стахъ. Такъ, имя «варязи» безспорно позднѣйшее, появившееся у насъ только съ XI вѣка, однако лѣтописецъ везгѣ даетъ это имя скандинавамъ—и въ X, и въ IX столѣтіяхъ, нисколько не заботясь о томъ, какъ они дѣйствительно назывались тогда; даже тотчасъ за извѣстіемъ о переселеніи славянъ въ нашу страну описываетъ уже «путь изъ Варягъ въ Греки», а кіевская легенда, занесенная въ лѣтопись, ведетъ апостола Андрея этимъ путемъ на сѣверъ въ страну «Словѣны» и оттуда въ «Варягы», когда не было еще ни Кіева, ни Новгорода, не было, по смыслу лѣтописца, и славянъ—ни на Днѣпрѣ, ни на Волховѣ; когда и самыя рѣки, безъ сомнѣнія, носили другія названія. Но онѣ протекали черезъ тѣ же страны и въ тѣхъ же направленіяхъ, какъ и послѣ, путь по нимъ былъ возможенъ, — и сказанію дѣла нѣтъ до того, какъ назывался этотъ путь, какъ назывались рѣки и страны въ то время, къ которому относится событіе; оно даетъ имъ названія позднѣйшія, общеупотребительныя въ эпоху составленія самаго сказанія. А между-тѣмъ, сколько подобное употребленіе позднѣйшихъ названій породило у насъ споровъ и толковъ о варягахъ и руси!... Нейманъ и другіе толкователи построили на этомъ даже цѣлую теорію о какой-то южной руси, древнѣйшей самихъ славянъ въ нашей странѣ.—Что же касается *настоящаго* времени глаголовъ въ Несторовой космографіи, то иначе и нельзя было выразиться: сказать *сѣдяху*, или *бяху (бѣша) сѣдяще*, вмѣсто *сѣдятъ*, значило бы, что исчисленныхъ народовъ во время лѣтописца уже не было, тогда-какъ всѣ они, кромѣ варяжской руси, сидѣли еще на тѣхъ же мѣстахъ; посему лѣтописецъ и употребляетъ настоящее время въ прошедшемъ, или мыслитъ настоящее въ прошедшемъ, т. е. переносится мысленно въ прошедшее и говоритъ о народахъ, какъ существующихъ современно моменту его мышленія. Итакъ, поименованіе въ космографіи нашей и варяжской руси одновременно ни сколько не противорѣчитъ показанію о переселеніи къ намъ всѣхъ варяго-руссовъ, да и вообще это Несторово прибавленіе къ космографіи и его сказаніе о призваніи князей взаимно одно-другое поясняютъ и дополняютъ.

Но если эта русь вся, цѣликомъ перешла къ намъ, такъ-что и самое имя ея съ-тѣхъ-поръ исчезло за моремъ (сохранившись только у финновъ, которые и доселѣ этимъ именемъ, Ruotsi, Ruossi, называютъ своихъ западныхъ сосѣдей—шведовъ), то отсюда необходимо возникаетъ вопросъ: что́ это была за русь, т. е. что

подъ этимъ именемъ разумѣлъ Несторъ, отдѣльное ли поколѣніе варяговъ, осѣдлый народъ варяжскій, или что-нибудь другое? Несторъ, конечно, былъ смиренный монахъ XI вѣка, но нельзя, однако, предполагать, чтобы онъ не въ состояніи былъ сообразить, во-первыхъ, что переселеніе цѣлаго народа «съ чады и домочадцы» изъ одной страны въ другую, да еще черезъ море, и притомъ народа не кочеваго (ибо такихъ не было за Варяжскимъ моремъ), а осѣдло живущаго на своей родинѣ, есть дѣло почти невозможное, по-крайней-мѣрѣ, необыкновенное, и во-вторыхъ, что если славяне и финны, терзаемые междоусобіями и угрожаемые врагами внѣшними, согласились въ крайности призвать къ себѣ по договору, на извѣстныхъ условіяхъ, князей для поддержанія наряда, и ихъ дружины для внѣшней обороны, то они никакъ не могли бы добровольно согласиться на переселеніе къ себѣ цѣлаго чужеплеменнаго народа, съ старцами, женами, дѣтьми, ибо такое переселеніе было бы для нихъ не только безполезно, но и крайне-невыгодно, обременительно, и, слѣдовательно, согласіе на это съ ихъ стороны представляло бы великодушіе рѣшительно безпримѣрное, самопожертвованіе ничѣмъ не объяснимое. Вотъ почему и должно полагать, что Несторъ подъ именемъ руси, по всей вѣроятности, разумѣлъ не отдѣльный народъ варяжскій, а только подвижную воинскую дружину, или нѣсколько такихъ дружинъ, и вотъ почему со времени прибытія къ намъ князей съ ихъ дружинами исчезло заморемъ и самое имя руси 7).

Если же подъ именемъ руси должно разумѣть не народъ, а дружину, то, разумѣется, ученые имѣли право допскиваться, изъ кого

---

7) Что варяги-русь были не народъ, а дружина — это мнѣніе не наше, не новое: его высказалъ уже Арцыбышевъ въ своемъ «Повѣствованіи о Россіи», да и предки наши именно-такъ понимали слова «пояша по собѣ всю русь», которыя во всѣхъ спискахъ позднѣйшей редакціи толкуются выраженіемъ: «пояша съ собою дружину многу». Г. Костомаровъ также согласенъ съ этимъ, и даже признаетъ за достовѣрный фактъ, «что изъ литовской Руси перешли всѣ жители, которые, какъ показываетъ ихъ поведеніе впослѣдствіи, были не столько народъ, сколько толпа мореходцевъ-пиратовъ» (стр. 25). Но отчего же ихъ поведеніе у себя дома, ни прежде, ни послѣ призванія, ничего подобнаго не показывало? Исторія рѣшительно ничего не знаетъ о толпахъ литовскихъ пиратовъ,—толпы же норманскихъ пиратовъ въ IX и X столѣтіяхъ наводили такой страхъ и трепетъ на всю западную Европу, что тамъ всенародно молились: a furore Northmannorum libera nos, Domine!

она состояла? или къ какому изъ извѣстныхъ варяжскихъ народовъ принадлежала она по языку и національности? И разъисканія показали, что Несторовы варяги-русь были именно шведы, что они состояли къ шведамъ въ такомъ же отношеніи соплеменности, въ какомъ наши запорожцы къ малороссамъ: какъ запорожцы, по ремеслу сходные съ этою заморскою русью, были по племенному происхожденію, по языку и вѣроисповѣданію вообще русскіе, а въ частности малороссы, такъ и варяги-русь были вообще норманны, скандинавы, а въ частности шведы.—Кому не угодно вѣрить изслѣдованіямъ ученыхъ нѣмцевъ, совершенно, впрочемъ, основательнымъ и дѣльнымъ,—пожалуй, можетъ не вѣрить; но нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что Несторовы варяги-русь были морскія дружины, состоявшія изъ скандинавовъ, или норманновъ.

Существованіе подобныхъ дружинъ въ Скандинавіи, въ IX и X столѣтіяхъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Даже изъ учебниковъ извѣстно, что до исхода IX и начала X вѣка Скандинавія была раздѣлена на множество отдѣльныхъ, мелкихъ владѣній, въ которыхъ господствовали такъ-называемые областные короли, или князья, конунги (Fylkis conungr), и что тамъ, кромѣ такихъ королей съ королевствами, было много, даже весьма-сильныхъ королей безъ королевствъ, которые скитались по морямъ съ своими дружинами, тревожа набѣгами и западную, и восточную Европу, и самую Скандинавію. Вотъ что говорится именно о Швеціи IX вѣка въ сагѣ объ Инглингахъ: «Въ то время разоряли Швецію многіе короли, и датскіе, и шведскіе, равно какъ и многіе морскіе короли, которые повелѣвали значительными военными силами, не имѣя однако же собственной территоріи. Ибо только тотъ и могъ по праву называться морскимъ королемъ, кто никогда не спалъ подъ закопченою кровлею и не пивалъ изъ рога при огнѣ роднаго очага» 8). Такими-то морскими королями, атаманами удалыхъ дружинъ моряковъ-воиновъ, а не князьями народа русь, были, безъ сомнѣнія, и три брата—Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, призванные на княженье славяно-финскимъ союзомъ и приведшіе съ собою «всю русь», т.

8) Snorro Sturleson, Heimskringla, cap. XXXIII. XXXIV. ed Peringskiold. Stokholmiae. 1697.

е. свои дружины. Вотъ почему всѣ усилія отыскать на балтійскомъ поморьѣ народъ, называвшійся русью, остались и остаются тщетными, да если бы наконецъ и удалось въ какомъ-нибудь углу найти народъ съ подобнымъ именемъ, то отъ такого народа никакъ не возможно выводить нашихъ князей, если только не перетолковывать словъ лѣтописца, т. е. если «не приписывать ему того о чемъ онъ не думалъ, и не выводить изъ сказаннаго имъ того, чего не слѣдуетъ».

Итакъ, Несторъ рѣшительно запрещаетъ искать своихъ варяговъ-русь гдѣ-либо ввѣ Скандинавіи, и даже въ самой Скандинавіи не позволяетъ искать ни народа русь, ни другой какой-либо руси послѣ IX вѣка, потому-что пришедшіе къ намъ князья «поляша по собѣ всю русь».—Посмотримъ, однако же, что это за русь литовская, найденная при устьяхъ Нѣмана, и въ какой именно мѣстности она обитала. Г. Костомаровъ утверждаетъ, что эта русь составляла южную отрасль жмуди, поколѣнія литовскаго, и обитала вдоль праваго рукава Нѣмана, называемаго также Русь. О топографическихъ особенностяхъ этой земляцы онъ говоритъ: «эта низменная полоса, изрѣзанная протоками, не рѣдко, при вѣтрѣ съ моря, вся поднимается водою, такъ-что и теперь жители села Русь строятъ на столбахъ свои домики» (стр. 18).—Можно, пожалуй, согласиться съ г. Костомаровымъ, что эта самая земляца была извѣстна въ XV вѣкѣ Длугошу подъ именемъ «Ruszena», и что ее же разумѣетъ и лѣтописецъ Петръ Дюнсбургскій подъ именемъ «Ruschigena», говоря подъ 1322 годомъ, что тевтонскіе рыцари въ одинъ день выжгли ее (incendio molestabant); но никакъ нельзя допустить, чтобы тотъ же лѣтописецъ въ другомъ мѣстѣ называлъ ее же Рушіей (Ruschia), о которой онъ упоминаетъ, исчисляя границы Пруссіи въ такомъ порядкѣ: Висла, Море, Нѣманъ, Рушія, Мазовія. Ясно, что эта Рушія приходится не при низовьяхъ Нѣмана, а гораздо выше, на предѣлахъ съ Мазовіей. Нельзя также видѣть эту земляцу подъ именемъ Руссія, Русція (Ruszia, Ruscia) у Адама Бременскаго и Титмара, изъ которыхъ первый говоритъ, что Самбія (восточная область Пруссіи) граничила съ Руссіею и Польшей, а второй, что епископъ Бруно погибъ отъ язычниковъ «на предѣлахъ между Пруціей и Русціей». Видно, что ихъ Руссія, Русція, которая и по имени вовсе не похожа на Рушигену, должна быть страна всѣмъ извѣстная и знакомая въ XI вѣкѣ, если о ней упоминается безъ всякихъ поясненій и толко-

вашій; а чѣмъ же крошечная, болотистая землица при низовьяхъ Нѣмана могла быть въ то время такъ знаменита, что писателю стоило только поименовать ее, чтобы быть понятнымъ для читателей?.. Объ обитателяхъ этой землицы г. Костомаровъ нашелъ только одно извѣстіе, въ которомъ они, однако же, почему-то названы «Рутенами (Rutheni)»; именно, тотъ же Петръ Дюисбургскій, который упоминаетъ о странѣ Ruschigena, говоритъ, что еще до прибытія тевтонскаго ордена въ Пруссію, слѣдовательно въ началѣ XIII или въ исходѣ XII вѣка, народъ Rutheni, съ многочисленнымъ войскомъ (cum magno exercitu), девять лѣтъ осаждалъ тамъ какую-то нагорную крѣпость народа Скалловитовъ. Неужели это были храбрые жители Рушигены? Могли ли они быть такъ сильны, чтобы вести войну, продолжительностію почти равную Троянской? Мы, конечно, не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы опредѣлить величину этой области и количество ея народонаселенія въ то время. Однако, если принять въ соображеніе, что тевтонскіе рыцари опустошили ее въ одинъ день, то едва-ли можно дать ей болѣе 150 кв. верстъ пространства, ибо дружины рыцарей, численностію далеко уступавшія нынѣшнимъ арміямъ, разоряя огнемъ и мечемъ непріятельскую страну и встрѣчая, разумѣется, препятствія, какъ отъ жителей, такъ и отъ самой природы (особенно въ странѣ, изрѣзанной протоками), никакъ не могли бы въ одинъ день управиться не только съ большимъ, но даже и съ такимъ пространствомъ. Притомъ же и г. (Костомаровъ) говоритъ, что Рушигена была землица очень маленькая, простиравшаяся только по правому берегу Руси, т.е. праваго рукава Нѣмана. Сколько же въ ней могло быть жителей? Въ смѣжныхъ съ этою мѣстностію губерніяхъ, Курляндской и Виленской приходится менѣе 23 человѣкъ на квадратную версту 9), и нѣтъ никакого повода полагать, чтобы въ Рушигенѣ, странѣ низменной, болотистой, изрѣзанной протоками, было въ прежнее время больше. Слѣдовательно, съ небольшимъ 3000 душъ — вотъ все населеніе Рушигены, по самому широкому маштабу! Какъ же этотъ народецъ могъ вести въ XII или XIII столѣтіи девятилѣтнюю осаду прусской Трои, да еще съ многочисленнымъ войскомъ?... Обращаясь къ IX вѣку, нельзя

9) На основаніи статистическихъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ календарѣ на 1860 г.

не спросить: чѣмъ эта литовская русь была въ то время такъ извѣстна и знаменита, что у ней именно рѣшились искать себѣ князя славяне и финны, изгнавшіе норманновъ? И въ этой-то крошечной Руси они нашли не одного, а трехъ князей! славныхъ не только на родинѣ, но и въ странахъ отдаленныхъ—говоримъ *славныхъ*, потому-что нельзя же предполагать, чтобы славяне и финны, сказавъ «поищемъ себѣ князя», отправили пословъ на-удачу, не зная куда и къ кому, и чтобы послы ихъ, прибывъ къ устью Нѣмана, обратились къ первымъ встрѣчнымъ съ своею рѣчью: «земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; идите княжить и владѣть нами»! Нельзя также не спросить: какъ эти князья, съ своимъ народцемъ, пробрались въ землю славянъ и финновъ черезъ Балтійское море, на которомъ тогда, какъ извѣстно, господствовали норманны? Да и зачѣмъ они поѣхали моремъ, зачѣмъ посольство къ нимъ отправилось также моремъ, тогда-какъ сухимъ путемъ было бы и ближе, и безопаснѣе?... Но мы никогда не кончили бы, еслибъ стали исчислять всѣ недоумѣнія, невольно возникающія изъ предположенія о литовскомъ происхожденіи нашихъ князей и пришедшей съ ними руси. Предоставляемъ г. Костомарову самому придумать вѣроятныя объясненія, какъ этихъ, такъ и многихъ другихъ вопросовъ, вызываемыхъ его гипотезою, или, пожалуй, «теоріей». Напримѣръ, онъ говоритъ (стр. 25): «Многочисленность литовскихъ пришельцевъ доказывается значительнымъ ихъ количествомъ, перешедшимъ потомъ въ Кіевъ». А выше, на той же стр., сказано: «вся страна литовская, носившая названіе Руси, была такъ мала, что крестоносцы могли пройти ее въ одинъ день». Какъ же это, пришельцы изъ малой страны въ великой оказались многочисленными!? У меня въ маленькомъ кошелькѣ мало и денегъ, дай переложу ихъ поскорѣе въ большой, — авось будетъ много.—На той же стр: «Литовцы, какъ извѣстно, держались упорнѣе, чѣмъ славяне, язычества, развитаго у нихъ полнѣе, чѣмъ у славянъ». И ниже: «вся эта, чуждая русскимъ славянамъ толпа скоро усвоила славянскій языкъ, славянскій образъ жизни, скоро распустилась въ господствующемъ народонаселеніи, разсталась съ преданіями своей родины, оставя о ней смутныя воспоминанія, но не дорожа ими какъ святынею». Эту же мысль онъ развиваетъ и на слѣдующей стр., но вѣроятна ли такая внезапная податливость на перемѣны въ упорныхъ язычникахъ, которыхъ бытъ, нравы, обы-

чан обыкновенно бываютъ неразлѣльны съ вѣрою?... Для насъ— скажемъ прямо—всего вѣроятнѣе кажется то, что въ IX вѣкѣ при устьѣ Нѣмана, въ этомъ литовскомъ болотѣ, не было никакой руси, а только квакали лягушки, да надъ ними кружили журавли, а не Рюрикъ съ братьями. Но геологи, можетъ-быть, отвергнутъ и это предположеніе, и докажутъ фактами, что тамъ, гдѣ теперь красуется село Русь, за 1000 лѣтъ свободно бушевали морскія волны.

Однако Титмаръ и Адамъ Бременскій дѣйствительно упоминаютъ о какой-то Руссіи, какъ странѣ, пограничной съ Пруссіей въ XI вѣкѣ; карты же, приложенныя къ учебникамъ русской исторіи, и историческіе атласы показываютъ, что наша Русь, или Россія, ни въ XI вѣкѣ, ни прежде, ни послѣ до самаго 1794 года, никогда не граничила съ Пруссіей. Такъ, на картахъ, изображающихъ Русь Ярославову, всѣ земли, населенныя народами литовскими — по Рижскому заливу, по нижнему теченію западной Двины и между Двиною и Нѣманомъ до самаго моря, показаны непринадлежащими къ Руси. Стало-быть, г. Костомаровъ имѣлъ законное право заключить, что Руссія, или Русь, упоминаемая германскими лѣтописцами, какъ страна, сопредѣльная съ Пруссіей на Нѣманѣ въ XI вѣкѣ, никакъ не можетъ быть наша Русь, а должна быть какая-то другая, незавпсимая Русь, и, безъ сомнѣнія, литовская. Отъ Руси же XI вѣка, разумѣется, не далеко уже, всего два шага, до Руси IX вѣка, конечно, также литовской, ибо нѣманскій край съ незапамятныхъ временъ, всегда былъ обитаемъ литовцами. Но, признавая логичность этого заключенія, мы однако же не знаемъ, вѣрны ли данныя, изъ которыхъ оно выведено, т. е. правду ли говорятъ наши карты и атласы; а потому опять-таки поклонимся нашему старому, почтенному Нестору, который такъ хорошо знаетъ многое, чего мы еще не знаемъ, хотя лѣтопись его у насъ подъ руками; можетъ-быть, онъ объяснитъ намъ также, о какой Руси толкуютъ его современники, лѣтописцы нѣмецкіе. Вотъ что говоритъ онъ: «А се суть иніи языци, иже дань дають Руси: Чюдь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Моръдва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Нерома (*такъ* Рдз. *и* Трц. ворома Ип. норова, морова, морава *въ прочихъ сп.*), Либь; си суть свой языкъ имуще, отъ колѣна Афетова, иже живуть въ странахъ полунощныхъ» 10). — Почему же изъ этихъ

10) Полн. собр. лѣт. I, 5.

племенъ только первыя четыре включены на нашихъ картахъ въ предѣлы Руси Ярославовой, а всѣ прочія показаны внѣ ея, какъ народы независимые? Откуда такое различіе, когда всѣ они, по показанію Нестора, въ его время были равные данники Руси? Сомнѣваться въ этомъ показаніи—нѣтъ никакого повода, особенно въ отношеніи къ племенамъ литовскимъ, покореніе которыхъ, безъ сомнѣнія, началось уже съ того времени, какъ Рюрикъ посадилъ своего мужа въ Полоцкѣ, на предѣлахъ съ литовскимъ краемъ. Извѣстно, что эти мужи княжескіе, посаженные въ какомъ-либо мѣстѣ, разумѣется съ дружиною, не имѣли обыкновенія сидѣть сложа руки: война, походы, сборъ дани были единственною ихъ заботою, а изъ Полоцка такъ удобно было по Двинѣ, по Вилін, Нѣману и другимъ рѣкамъ ходить за данью ко всѣмъ литовскимъ народцамъ, которые, живя разрозненно, отдѣльными мелкими родами, не могли оказать сильнаго противодѣйствія завоевателямъ. Слѣдовательно, по всей вѣроятности, еще задолго до Владиміра Св. всѣ племена литовскія платили уже дань полоцкимъ державцамъ, или «князьямъ, сущимъ подъ рукою великаго князя» — какъ они называются въ договорѣ Олеговомъ. Однако у Нестора, ни въ приведенномъ нами мѣстѣ, ни выше, при исчисленіи народовъ, сидящихъ въ Іафетовой части, нѣтъ имени одного литовскаго народа—жмуди. Слѣдовательно, могутъ возразить, что, по-крайней-мѣрѣ, этотъ народецъ, неизвѣстный Нестору, оставался независимымъ. Потому-то, какъ видно, г. Костомаровъ и заключилъ: «вѣроятно въ лѣтописяхъ нашихъ ее (т. е. жмудь) слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ *русь*». Но и эта догадка оказывается неудачною: Несторъ зналъ всѣ племена литовскія, зналъ и жмудь, да только подъ другимъ именемъ—Перома, что вовсе не похоже на русь. По-крайней-мѣрѣ, насъ увѣряютъ, что въ вышеприведенномъ мѣстѣ «Перома» есть единственно-правильное чтеніе, неиспорченное въ большинствѣ нашихъ списковъ, что это древнее, чисто-литовское названіе жмуди, что корень его *пер* сохранился во многихъ мѣстныхъ названіяхъ въ странѣ, издавна населенной литовцами; даже догадываются, что этотъ корень слышится уже у Геродота и другихъ греческихъ и римскихъ писателей въ имени народа (Невры) (Νευροι (Nevri), и что эти древніе Невры были, слѣдовательно, литовцы, предки нынѣшней жмуди 11). Но такъ-какъ

11) Nachrichten der Griechen und Römer über die östlichen küstenländer des Baltischen meres. C.Schirren. 1852, Riga.

все это говоритъ ученый нѣмецъ, а г. Костомаровъ нѣмцамъ не вѣритъ, то мы укажемъ на другое, чисто-русское, и притомъ древнее свидѣтельство, принадлежащее къ началу XIII вѣка, а именно, на «Лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго» (изд. кн. Оболенскимъ. Москва, 1851), который весьма уважается нѣкоторыми учеными (не нѣмцами), и даже цѣнится выше Лаврентьевской лѣтописи 12). Это краткая лѣтопись особаго состава, представляющая до 1206 года выборку изъ сказаній Нестора и его продолжателей со многими любопытными поясненіями и дополненіями, а съ этого года до 1214, т. е. до конца лѣтописи содержащая повѣствованіе самостоятельное. Въ ней народы, платящіе дань Руси, исчислены (на стр. 2) тѣ же и въ томъ же порядкѣ, какъ у Нестора, но только при именахъ Литва и Перома находятся слѣдующія прибавленія: *Литва*, «испръва исконніи данници и конокръмци», — *Перома* «сиречь Жемоить». Этому свидѣтельству нельзя не вѣрить; нельзя, стало-быть, сомнѣваться и въ томъ, что Титмаръ и Адамъ Бременскій, упоминая о Руссіи, пограничной съ Пруссіей въ XI вѣкѣ, только подтверждаютъ показаніе Нестора, признавая страны, населенныя данниками руси, принадлежащими къ Русскому государству. А что эти страны и послѣ, въ XII и даже въ началѣ XIII вѣка, также принадлежали еще къ Руси, и именно къ княжеству Полоцкому — это подтверждается другими свидѣтельствами. Такъ, составитель лѣтописнаго сборника, извѣстнаго подъ названіемъ Воскресенской лѣтописи, упомянувъ (въ особой главѣ «начало государей литовскихъ») о взятіи Полоцка Мстиславомъ Владиміровичемъ, въ 1129 году, говоритъ: «Литва въ ту пору дань даяше княземъ Полотцкымъ, а владома своими гедманы»13). Ливонскій лѣтописецъ Генрихъ Латышъ, писавшій въ началѣ XIII вѣка, также свидѣтельствуетъ, что его соплеменники, народы литовскіе, большею частію зависѣли еще отъ Полоцкаго княжества, хотя въ это время на Нѣманѣ являются уже и независимые литовцы. Да и самый Петръ Дюисбургскій, писатель XIV вѣка, опредѣляя границы Пруссіи въ эпоху прибытія туда тевтонскаго ордена, т. е. въ началѣ XIII вѣка, безъ всякаго сомнѣнія, разумѣлъ подъ именемъ Рушіи (Ruschia), сопредѣльной съ

12) См. Д. В. Полѣнова «Обозрѣніе лѣтописца Переяславскаго» въ Ученыхъ Запискахъ Втораго Отдѣленія Имп. Акад. Наукъ, кн. I.

13) Полн. собр. лѣт. VII, 253.

Пруссіей и Мазовіей, не литовскую Русь, а наше Русское государство 14).

Хотя исторія Полоцкаго княжества и тѣсно-соединенная съ нею судьба племенъ литовскихъ, равно какъ и происхожденіе и возвышеніе великаго княжества Литовскаго представляютъ доселѣ поле не разработанное, почти, можно-сказать, не тронутое плугомъ критическихъ изслѣдованій, но можно, однако, утвердительно сказать, что въ IX вѣкѣ, ни при низовьяхъ Нѣмана, ни выше, нигдѣ еще не было никакой литовской руси, которая стала распространяться только со временъ Рюрика изъ Полоцка; въ XIV же вѣкѣ дѣйствительно была уже русь литовская, или литва русская, были обрусѣвшіе литовцы. Но, какъ въ IX вѣкѣ не могло быть никакого призванія князей изъ небывалой литовской Руси, такъ въ XIV не было никакого литовскаго завоеванія, о которомъ разсуждаетъ г. Костомаровъ, находя поразительное сходство между этими двумя мнимыми явленія-

---

14) Вотъ его слова: Terra Pruschiae pro terminis suis, intra quos constituta est, habet Wiselam, Mare salsum, Memelam, terram Ruschiae, ducatum Masowiae et ducatum Dobrinensem. Memela est fluens aqua, descendens de regno Russiae, circa castrum et civitatem Memelburg intrans mare, ipsam Ruschiam, Lethowiam et Curoniam dividens etiam a Pruschia (стр. 68). Цитируя это мѣсто, г. Костомаровъ говоритъ (стр. 9): «Что лѣтописецъ отнюдь не разумѣлъ здѣсь нашей русской земли, даже ошибкой, видимъ изъ того, что также онъ упоминаетъ о послѣдней, выводя изъ ней верховья Нѣмана, но отличаетъ ее на этотъ разъ правописаніемъ, въ другихъ случаяхъ смѣшивая *его*.» Нѣтъ, кромѣ нашей, ни о какой другой Руси онъ здѣсь и не думалъ: еслибъ онъ дѣйствительно разумѣлъ двѣ различныя Руси, то онъ не могъ бы упомянуть объ нихъ въ такой грамматической связи, говоря о Нѣманѣ: descendens de regno Russiae..... *ipsam* Ruschiam dividens *etiam* a Pruschia (вытекающая изъ государства Руссіи.... самую эту Русію отдѣляющая также отъ Прусіи). Нельзя здѣсь видѣть ничего, кромѣ небрежности въ правописаніи именъ Russia, Prussia, небрежности, господствующей у лѣтописца, какъ видно, и въ другихъ мѣстахъ,—можетъ быть; оттого, что онъ въ правописаніи спотыкался о свое нѣмецкое произношеніе: многіе нѣмцы произносятъ латинск. *ss*, какъ свое *sch*; покойный профессоръ Грефе даже одно *s* иногда произносилъ такимъ образомъ. Вѣроятно, бывшіе его слушатели помнятъ еще «apschurdum!» — обыкновенное его восклицаніе, при выраженіи неудовольствія. Да впрочемъ, еслибъ упоминаемая здѣсь Ruschia дѣйствительно была какая-то Русь литовская— что, однако, рѣшительно невозможно—то все же гипотеза г. Костомарова ничего отъ нея не выиграетъ, потому-что эта Ruschia приходится не при устьѣ Нѣмана, не на берегу моря; тамъ Curonia. Чтобы выдать Ruschi'ю за приморскую страну, надлежало бы допустить догадку, что прусскій лѣтописецъ не зналъ положенія земель, пограничныхъ съ Пруссіей, или что онъ по небрежности перетасовалъ ихъ и исчисляетъ не по порядку, но это было бы нелѣпо, absurdum.

ми. Не литва чужеплеменная, иноязычная и иновѣрная покорила юго-западныя русскія княжества въ XIV вѣкѣ; а новая властительная династія, конечно литовская по происхожденію, но русская по образованію, и уже связанная многократными родственными узами съ разными линіями дома Владиміра Св., утвердила свое верховное господство надъ русскими князьями, и поставила ихъ въ отношеніи къ себѣ почти въ то же положеніе, въ какомъ предки ихъ были нѣкогда къ великимъ князьямъ кіевскимъ. Эту династію Гедиминовичей народъ русскій вовсе не считалъ иноплеменною, чуждою, враждебною себѣ, а смотрѣлъ на нее съ той же точки зрѣнія, какъ и на прежнихъ властителей великаго княжества кіевскаго, т. е. видѣлъ въ ея представителяхъ своихъ законныхъ, прирожденныхъ государей. Лѣтописцы наши выводятъ родъ Гедимина прямо отъ дома князей полоцкихъ, даже по мужской линіи 15), что ясно, кажется, свидѣтельствуетъ о понятіяхъ народа касательно законности правъ этой династіи. Что же касается самой литвы, или собственно той части этого народа, которая коснѣла еще въ язычествѣ, то она и при Гедиминѣ, и при его преемникахъ оставалась такою же грубою, невѣжественною толпою, какою была и прежде: никуда она не выступала изъ своихъ лѣсовъ, нигдѣ не утверждала своего господства и преобладанія; если же она и появлялась въ ополченіяхъ княжескихъ, то имѣла въ нихъ совершенно такое же значеніе, какое въ наше время имѣютъ какіе-нибудь калмыки или башкиры. — По-крайней-мѣрѣ, лѣтописи наши не знаютъ никакого литовскаго завоеванія въ XIV вѣкѣ, ни слова не говорятъ о покореніи русскихъ княжествъ, о порабощеніи русскаго народа иноплеменною, языческою литвою.

Съ воззрѣніемъ г. Костомарова на ту участь, какая должна была бы постигнуть славянъ, въ случаѣ призванія ими князей изъ Скандинавіи, также нельзя никакъ согласиться: онъ полагаетъ, что у насъ славянскій языкъ, славянская народность—все славянское, національное непремѣнно исчезло бы подъ вліяніемъ враждебнаго нѣмецкаго элемента, какъ оно исчезло у славянъ померанскихъ, или, что судьба наша была бы, по-крайней-мѣрѣ, такая же горькая, ка-

15) Полн. собр. лѣт. VII, 253. «Начало государей литовскихъ.»

кую терпятъ въ настоящее время австрійскіе славяне 16). Но помилуйте! изъ чего это слѣдуетъ? Чтобы убѣдиться въ неосновательности этого взгляда, достаточно указать на одинъ только примѣръ.

Шведы завоевали западную Финляндію (съ 1157—1250 г.) послѣ столѣтней кровавой борьбы, ознаменованной неоднократными отчаянными возстаніями туземцевъ; потомъ, построивъ Выборгъ (1293 г.), они утвердились и въ восточной Финляндіи, которую по Ореховскому договору (1323 г.)удержали за собою до Сестры рѣки, сдѣлавшейся отселѣ надолго границею между Швеціей и Россіей. Въ продолженіе этой борьбы они усѣяли своими колоніями почти всѣ берега Финляндіи, утвердились также внутри страны въ главныхъ пунктахъ, и, такимъ-образомъ, не только отняли у финновъ возможность продолжать грабежи и разбои на морѣ и тревожить берега Швеціи, но лишили ихъ и самой надежды возвратить когда-либо свою независимость. Замѣтимъ еще, что эти завоеватели были католики, одушевленные религіознымъ фанатизмомъ, что они съ ожесточеніемъ истребляли идоловъ, жгли и рубили священныя деревья, уничтожали всѣ предметы богопочитанія язычниковъ и предавали лютой смерти всѣхъ,не принимавшихъ крещенія; что финны съ своей стороны также не оставались въ долгу, и при каждомъ удобномъ случаѣ мстили своимъ врагамъ съ звѣрскою лютостію: жгли монаховъ, выкалывали имъ глаза, сдирали съ нихъ кожу 17). Однимъ словомъ, эта борьба совершенно походила на ту, которую вели нѣмцы-фанатики съ померанскими славянами. Но развѣ послѣдствія были тѣ же? Развѣ финны не остались финнами? Развѣ они сдѣлались шведами, или рабами шведовъ, подобно тому, какъ народы Ливоніи сдѣлались рабами нѣмцевъ? Правда, они лишились своихъ идоловъ и своей дикой независимости, должны были по-неволѣ сдѣлаться христіанами и подданными Швеціи, но они никогда не знали и не знаютъ рабства, у нихъ не было и нѣтъ крѣпостнаго состоянія; они сохранили свой языкъ и народность, личную свободу

16) «Славянскія племена въ Россіи, безъ сомнѣнія, должны были бы выдержать ту же борьбу, въ какой не устояли и пали ихъ прибалтійскіе братья, въ какой едва держатся на ногахъ до-сихъ-поръ ихъ западные соплеменники.» Нач. Руси, стр. 27.

17) См. Буллу папы Григорія IX, отъ 9-го дек. 1237 г. у Портана въ «Sylloge monumentorum» etc. стр. 37. № XII.

и право владѣнія землею. Шведы дали имъ законы, права, свободныя учрежденія, такія же, какими пользовались и сами; пріучили ихъ къ мирному общежитію, ввели земледѣліе, ремесла, искуства, основали училища, университетъ, и сдѣлали грамотность обязательною для всего народа. Они не предоставили себѣ никакихъ исключительныхъ правъ и преимуществъ передъ финнами: всѣ должности и званія, всѣ отличія и почести слѣлались и остаются досель равно доступными для финна, какъ и для шведа. И всѣми этими благами Финляндія обязана своимъ завоевателямъ! Она не имѣетъ ни малѣйшей причины жаловаться на прежнее, почти шестьсотлѣтнее господство шведовъ.

Если же этотъ чуждый элементъ — *нѣмецкій*, по мнѣнію г. Костомарова—имѣлъ такое благотворное вліяніе на финновъ, среди которыхъ водворился кровавымъ путемъ, то изъ чего же слѣдуетъ, что онъ долженъ бы имѣть иное, противоположное вліяніе на славянъ и другихъ финновъ, если бы даже и утвердился у нихъ такимъ же путемъ? Но этого послѣдняго условія не было: наши славяне и финны не были покорены шведами, они сами съ общаго согласія, добровольно и, разумѣется, на извѣстныхъ условіяхъ призвали къ себѣ князей съ ихъ дружинами изъ за-моря, изъ Швеціи, и встрѣтили ихъ дружелюбно, какъ желанныхъ гостей. Эти пришельцы были не католическіе фанатики, а поклонники Одина, которые и въ другихъ странахъ нигдѣ не обнаруживали духа прозелитизма, но, напротивъ, легко и скоро покидали свои вѣрованія; они были не граждане чужаго заморскаго государства, а члены самостоятельнаго воинскаго общества, ничѣмъ не связаннаго съ своей родиной—почти, можно-сказать, не имѣвшаго родины, а только притонъ на берегу Швеціи; они пришли къ намъ не съ женами и дѣтьми, а большею частію холостыми, безсемейными, и не основали у насъ шведскихъ колоній, а скоро породнились и слились съ народами ихъ призвавшими, земля которыхъ стала ихъ родиной; дѣти ихъ, рожденные отъ славянскихъ матерей, были уже полуславяне, а внуки чистые славяне. Разумѣется, въ княжескомъ поколѣніи языкъ и преданія Скандинавіи долженствовали удержаться долѣе, нежели въ самой дружинѣ: это слѣдуетъ уже изъ того, что первые князья пришли къ намъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, «съ роды своими», т. е. съ семействами, слѣдовательно, не тотчасъ породнились съ народомъ; однако Святославъ, внукъ Рюриковъ, порманъ по

отцу и матери, норманнъ по духу, носитъ уже славянское имя, а сынъ его Владиміръ является чисто-славянскимъ, или русскимъ государемъ. Не странны ли послѣ этого всѣ мечтанія о какомъ-то враждебномъ, нѣмецкомъ элементѣ, долженствовавшемъ, будто-бы, водвориться у насъ съ прибытіемъ шведской руси? Не нелѣпа ли наша, можно-сказать, ребяческая досада на то, что предки наши, славяне и финны, призвали къ себѣ иноплеменниковъ и вѣрили имъ устройство судьбы своей?.... Кажется, не досадовать должны бы мы на это, а скорѣе сожалѣть о томъ, что слишкомъ-мало пришлось къ намъ изъ-за-моря этого живаго, цивилизующаго и ни сколько намъ не враждебнаго элемента 18). Дѣйствительно, пришедшая къ намъ русь была какъ капля въ славяно-финское море. Она, конечно, пробудила дремавшія силы, воззвала ихъ къ дѣятельности, указала цѣль, дала направленіе, но ея живительнаго вліянія хватило не надолго: татарщина снова усыпила насъ. А на эту, ненавистную татарщину мы смотримъ какъ-то довольно благосклонно; хотя и признаемъ ее великимъ зломъ, однако не безъ добра, — видимъ въ ней какой-то спасительный щитъ, будто бы прикрывшій насъ отъ враждебнаго вліянія Запада, даже благодаримъ ее за то, что она угомо-

---

18) Что норманскій элементъ вовсе не былъ враждебенъ славянскому, свидѣтельствуютъ всѣ скандинавскія саги, какъ миѳологическія, такъ и историческія: въ нихъ много говорится о странствіяхъ и подвигахъ скандинавовъ на востокѣ, объ ихъ набѣгахъ, грабежахъ, завоеваніяхъ; но во всѣхъ этихъ разсказахъ нѣтъ ни одной черты, выражающей ненависть, вражду, презрѣніе къ противникамъ; напротивъ, чувства пріязни, дружбы и уваженія скандинавовъ къ ихъ восточнымъ сосѣдямъ проглядываютъ повсюду. Въ шведскихъ же, средневѣковыхъ хроникахъ, дѣйствительно, господствуютъ уже совсѣмъ другія краски, другой тонъ разсказа; въ нихъ, даже въ XIV и XV столѣтіяхъ, честятъ русскихъ не иначе, какъ язычниками, варварами, еретиками, врагами Креста Господня, и осыпаютъ всевозможными укоризнами и проклятіями. Откуда же этотъ духъ злобы и ненависти? Развился ли онъ изъ народнаго характера шведовъ подъ вліяніемъ историческихъ условій? Нѣтъ, онъ занесенъ извнѣ. Это тотъ же духъ папской политики, который вооружилъ нѣмцевъ на славянъ и уничтожилъ славянъ прибалтійскихъ,—тотъ самый духъ гордыни и властолюбія новаго, христіанскаго Рима, который, вмѣсто сѣмянъ мира, любви и братства, сѣялъ въ-теченіе вѣковъ плевелы раздора повсюду, перессорилъ между собою народы, даже родственные, единокровные, и пролилъ потоки крови человѣческой, несравненно обильнѣйшіе, нежели Римъ древній, языческій.... Но въ IX вѣкѣ этотъ духъ не заражалъ еще норманновъ, онъ былъ совершенно чуждъ для горсти варяго-руссовъ, призванныхъ славянами и финнами, и скоро слившихся съ ними въ одну націю.

нила наши бушевавшія силы 19). Мы съ особенною любовію смотримъ на патріархальное блаженство до-петровской Руси, т. е. поемъ хвалебный гимнъ сонливости, навѣянной татарщиной, и, напротивъ, крѣпко гнѣваемся на Петра за то, что онъ слишкомъ нецеремонно растолкалъ насъ и круто повернулъ къ свѣту. Видно, для нашей славяно-финской лѣни мракъ и сонъ все еще милѣе свѣта и жизни!

Хваля нашу старину, мы обыкновенно выставляемъ славянъ повсюду на первомъ планѣ—и воображаемъ себя великими патріотами. Но Несторъ былъ патріотъ, не меньше нашего; въ его горячей любви къ родинѣ никто не можетъ усомниться, прочитавъ его лѣтопись; однако эта любовь не ослѣпляла его: въ простотѣ сердца, онъ не видѣлъ ничего позорнаго въ призваніи князей-инородцевъ, и ничего предосудительнаго въ томъ, что славяне стояли на равной ногѣ съ финнами и дѣйствовали за одно съ ними. Но такое панибратство не нравится г. Костомарову, не столько вслѣдствіе особеннаго его расположенія къ славянамъ, сколько по другой, весьма-понятной причинѣ: допустивъ равенство финновъ съ славянами, ему трудно было бы объяснить, что могло побудить первыхъ къ призванію князей изъ литовской Руси, тогда-какъ послѣдніе, особенно кривичи, легко могли быть увлечены къ тому и воспоминаніемъ древняго сродства съ литовскимъ племенемъ, и сходствомъ или тожествомъ богопочитанія — благоговѣніемъ къ знаменитому Ромово, къ этому прусско-литовскому Риму, средоточію колдовства и чародѣйства, гдѣ обиталъ языческій папа, криве. Поэтому-то г. Костомаровъ и утверждаетъ, что «призывавшіе варяговъ-русь народы были всѣ на-голо славяне», что они одни рѣшили дѣло о призваніи князей, что финскія племена, чудь и весь упоминаются при этомъ только по формѣ, для счету, что они, равно какъ и меря, находились въ это время уже подъ властію славянъ, что города Бѣло-

---

19) «Нашествіе Батыево, кучи пепла и труповъ, неволя, рабство толь долговременное, составляютъ конечно одно изъ величайшихъ бѣдствій, извѣстныхъ намъ по лѣтописямъ государствъ; однакожъ и благотворныя слѣдствія онаго несомнительны.... Могло пройти еще сто лѣтъ и болѣе въ княжескихъ междоусобіяхъ: чѣмъ заключились бы оныя? вѣроятно, погибелію нашего отечества: Литва, Польша, Венгрія, Швеція могли бы раздѣлить оное; тогда мы утратили бы и государственное бытіе и Вѣру, которыя спаслися Москвою: Москва же обязана своимъ величіемъ Ханамъ.» Карамзинъ. Ист. Гос. Росс. V, 369.

озеро и Ростовъ были основаны славянами и представляли славянскія колоніи среди финскаго міра. И все это основано единственно на томъ, что Бѣлоозеро и Ростовъ носятъ славянскія названія!... Да вѣдь они носятъ славянскія названія въ славянской лѣтописи, а если бы лѣтопись была написана по-фински, то въ ней и самый Новгородъ носилъ бы финское имя, назывался бы Uusi-linna, какъ и теперь называютъ его финны, переводя его славянское имя на свой языкъ. Точно такъ же и Бѣлоозеро — названіе, первоначально принадлежащее самому озеру, а потомъ и построенному при немъ городу,есть буквальный переводъ финскаго Walkjärwi; самый же городъ, для отличія отъ озера, могъ называться и Walkjärwen linna, т. е. Бѣлоозерскій городъ, или городъ Бѣлаго-озера. Такъ ли теперь называютъ финны этотъ городъ и озеро—не знаемъ; но въ Финляндіи, въ Выборгской губерніи,есть озеро Walkjärwi, и самый приходъ, въ которомъ оно лежитъ, называется такъ же, или точнѣе Walkjärwen pitäjä, т. е. Бѣлозерскій приходъ. Если бы вездѣ предполагать славянъ,гдѣ въ нашихъ лѣтописяхъ слышатся славянскія названія, то пришлось бы и южную Финляндію заселить славянами, потому-что тамъ упоминаются (въ Новгр. I лѣт.)подъ 1311 годомъ «Купецькая рѣка» и «Черная рѣка», а подъ 1318 —«Полная рѣка» 20).—Конечно, не всегда имена рѣкъ, городовъ и урочищъ переводились съ одного языка на другой, чаще они переходили къ новому народу съ своими прежними названіями, которыя подвергались только фонетическимъ измѣненіямъ, болѣе или менѣе значительнымъ; такъ, вѣроятно, рѣка *Шелонь* есть финское salon-joki (лѣсная рѣка),*Мста*—финск. musta (черная),*Молога*—mölläkkä (мутная) или müllüjoki (мельничная рѣка),*Свѣяга*—siwujoki (побочная рѣка),и м. др. Если же финское или другое названіе какого-либо мѣста походило по своему звуку на какое-нибудь славянское слово, то весьма естественно, что этимъ словомъ и замѣнялось у славянъ прежнее, чуждое названіе. И,безъ сомнѣнія,этому обстоятельству обязано и средоточіе финской мери своимъ quasi-славянскимъ именемъ. Какое было прежнее, финское названіе Ростова— не знаемъ, но въ финскихъ нарѣчіяхъ можно подобрать довольно словъ созвучныхъ съ *ростъ*, *расти*; напр. risti—крестъ, riste—перекрестокъ, rastas—*маленькая сѣрая птичка, съ черной головкой* (русскаго названія не

(20) Полн. собр. лѣт., III, 69, 42.

припомню), ruoste—ржавчина и др. Притомъ же, если по одному только имени Ростова заключать, что этотъ городъ основанъ славянами, то надлежало бы заключить, что имъ же или русскими основанъ и Выборгъ, потому-что и его названіе въ нашихъ лѣтописяхъ по звуку славянское или чисто-русское — Выборъ. Да наконецъ, какъ согласить съ словами лѣтописи эту гипотезу о давнемъ господствѣ славянъ надъ финнами? Лѣтописецъ говоритъ подъ 859 годомъ, что варяги брали дань съ чуди, славянъ, мери, веси и кривичей; потомъ, выставивъ три слѣдующіе года, повѣствуетъ подъ ними объ изгнаніи варяговъ и призваніи князей; спрашивается: когда же славяне, которые до 859 года сами были данниками варяговъ, успѣли утвердить свое господство надъ финнами?.. Положимъ, что хронологія Нестора ошибочна, что между изгнаніемъ варяговъ и призваніемъ князей прошло нѣсколько лѣтъ, лѣтъ 20 или даже 30; большаго промежутка между этими двумя фактами никакъ нельзя предполагать потому, что еслибы освободившіяся племена могли хотя 30 лѣтъ обойтись безъ иноземныхъ властителей, то, вѣроятно, не оказалось бы уже и надобности въ ихъ призваніи, ибо отношенія племенъ—внѣшнія и внутреннія—могли бы уже устроиться и опредѣлиться сами собою. Но въ 20 или 30 лѣтъ славянамъ никакъ не возможно было подчинить своей власти тѣ самыя племена, которыя и впослѣдствіи такъ долго и упорно отстаивали свою независимость. Если же предположить, что славяне еще до изгнанія варяговъ господствовали надъ финнами, то выйдетъ вотъ какая странность: варяги берутъ дань съ славянъ и финновъ, а славяне—сами данники варяговъ, господствуютъ надъ финнами, т. е. имѣютъ еще своихъ данниковъ; бѣдные же финны въ одно и то же время служатъ двумъ господамъ! Чтобы избѣгнуть такой путаницы, лучше держаться яснаго смысла сказанія, по которому славяне и финны до призванія князей стоятъ на совершенно равной ногѣ: вмѣстѣ терпятъ невзгоду отъ варяговъ, вмѣстѣ возстаютъ и изгоняютъ ихъ за-море и, наконецъ, вмѣстѣ рѣшаютъ вопросъ о призваніи князей. Только съ этого послѣдняго факта и начинается первенство славянъ и распространеніе славянскаго, или, собственно, русскаго господства надъ племенами финскими и литовскими. И этимъ первенствомъ славяне обязаны единственно тому обстоятельству, что Рюрикъ, оставшись по смерти братьевъ единовластителемъ, утвер-

дился въ Новгородѣ, средоточіи сѣверныхъ славянъ, и что, вслѣдствіе этого, пришедшая съ нимъ русь, сблизившись и породнившись съ славянами, ихъ первыхъ и увлекла за собою къ завоеваніямъ. Но если бы средоточіе Руси утвердилось въ Бѣлоозерѣ или Ростовѣ, то послѣдствія были бы другія: тогда пришедшая съ князьями русь—эта капля живой воды, занесенная изъ-за-моря, обнаружила бы свое дѣйствіе во-первыхъ на племена финскія, и завоевательное движеніе, вѣроятно, направилось бы по Волгѣ къ Каспійскому морю; такимъ-образомъ, финскія племена были бы первыя соединены подъ властію русскихъ князей въ одно государство, которое называлось бы также Русь, или Ruotsi, и въ которомъ подъ именемъ русскаго языка господствующимъ былъ бы не славянскій, а финскій. И тогда, быть-можетъ, какой-нибудь, подобный Нестору, лѣтописецъ этой финской Руси исчислилъ бы намъ подъ рубрикою: «А се суть инїи языцы, иже дань даютъ Руси»—не финскія племена, а славянскія.

Если бы намъ непремѣнно нужно было отторгнуться, во что бы то ни стало, отъ Скандинавіи, и отыскать родину руси въ какой бы то ни было другой странѣ, то можно бы указать на страну, въ которой русь могла бы помѣститься гораздо удобнѣе и спокойнѣе, чѣмъ въ Литвѣ, такъ, что даже и самъ Несторъ не могъ бы изгнать ее оттуда. Только мы опасаемся, что эта страна не полюбится нашимъ читателямъ, что, при одномъ имени ея, самые упорные противники норманства руси скажутъ: «лучше остаться при норманнахъ»; потому-что страна, которую мы разумѣемъ—Финляндія, а русь «се есть Финн», какъ сказалъ Татищевъ. Положимъ однако, что насъ обуяло финнобѣсіе, и набросаемъ, въ припадкѣ этого недуга, очеркъ ученой статьи въ защиту мнѣнія Татищева о финскомъ происхожденіи нашей Руси.

Начнемъ съ Нестора. Тутъ намъ не нужно будетъ обходить молча ни одного сказанія о Варяжскомъ морѣ, о варягахъ и руси,—всѣ они пойдутъ въ дѣло. Несторъ говоритъ, что варяги сидятъ по Варяжскому морю «сѣмо ко въстоку до предѣла Симова», и что устье великаго озера Нево (Ладожскаго) «впадетъ въ море Варяжское». По Симовѣ предѣлъ Азіи; значитъ, Несторъ представлялъ себѣ, что Варяжское море тянулось гораздо далѣе къ востоку, куда-то къ Бѣлому морю, отъ куда начинался, по его понятіямъ, и предѣлъ Симовъ; озеро же Ладожское (Онеж-

скаго онъ не знаетъ), вѣроятно, представлялось ему лежащимъ къ югу отъ этого воображаемаго рукава Варяжскаго моря, за которымъ обитали все тѣ же варяги. Дѣйствительно, Финляндія для Нестора terra incognita, онъ не упоминаетъ ни одного изъ обитавшихъ тамъ народовъ; самая Ямь въ его время обитала еще не тамъ, а гдѣ-то далѣе къ востоку, за озерами Ладожскимъ и Онежскимъ, по сосѣдству съ пермью, печерою, заволочьскою чудью и весью, — это доказано уже Шегреномъ 21). Итакъ, финны, обитавшіе по Варяжскому морю, и именно по сѣверному берегу, до предѣла Симова, принадлежали къ варягамъ же, и между ними-то и должно искать руси.

Но, можетъ-быть, намъ скажутъ, что всѣ варяжскіе народы, по показанію Нестора, единоплеменны, а финны принадлежатъ къ другому племени. Отвѣчаемъ: это замѣчаніе, дѣйствительно, затруднило бы насъ, если бъ мы вздумали искать русь въ такой странѣ, которая была хорошо извѣстна Нестору, какъ, напримѣръ, Литва, объ обитателяхъ которой онъ говоритъ: «си суть свой языкъ имуще отъ колѣна Афетова», т. е. принадлежатъ по языку къ другому Іафетову колѣну, а не къ тому, которое называлось «Варязи»; Финляндія же, какъ видно, была ему весьма мало извѣстна, и, слѣдовательно, онъ могъ полагать, что обитавшіе тамъ варяги-русь, т. е. финны были такіе же варяги, какъ и другіе (друзіи), называвшіеся свѣями, урманами и проч. Такое ошибочное понятіе совершенно-извинительно для печерскаго инока XI вѣка, когда еще и теперь, въ Петербургѣ, окруженномъ финнами, есть такіе — конечно, не между образованнымъ классомъ, однако между людомъ читающимъ—которые полагаютъ (это мы сами слышали) что финскій и шведскій—одинъ языкъ, а финскій и чухонскій—языки различные. Можетъ-быть, замѣтятъ еще, что мы хотимъ въ мутной водѣ рыбу ловить. Но вѣдь и другіе, отвергающіе норманство руси, дѣлаютъ то же самое, ищутъ русь именно въ такихъ закоулкахъ, гдѣ бы Несторъ не могъ поймать ихъ.

Такъ отправимся же, не теряя времени, «за-море къ варягомъ

---

21) Ueber die älteren Wohnsitze der Jämen. Mémoires de l'Académie de St. Pétersb. 1832 T. 1, p 263 et sqq.

къ руси», и именно на сѣверный берегъ Финскаго залива, который въ отношеніи къ южному, разумѣется, будетъ заморье,—или, что еще лучше и ближе, на сѣверный берегъ Ладоги, который также заморье, потому-что Ладожское озеро у всѣхъ окрестныхъ жителей обыкновенно называлось и называется моремъ (meri). Тамъ мы найдемъ: a) нѣсколько горъ и скалъ, или большихъ камней, которые называются *русскими*, т. е. ruskii mäki, ruskii kiwi; b) деревню *Рýсила* (Rusila), на рѣчкѣ того же имени, при заливѣ Ладожскаго озера, въ верстахъ 40 къ сѣверу отъ Кексгольма. Rusila буквально значитъ жилище руси, подобно какъ Pappila—пасторатъ, жилище пастора. Кстати, замѣтимъ при томъ же заливѣ и другую деревню *Кýпала* (Kuppala), живо напоминающую бога Купало. c) Найдемъ еще, на томъ же сѣверномъ берегу Ладоги, именно въ Сердобольскомъ уѣздѣ, цѣлый приходъ *Рýскъла* (Ruskiela), мѣстность довольно обширную. — Итакъ, вотъ ясные слѣды древней, заморской руси! Она составляла отдѣльную отрасль кареловъ и обитала на сѣверномъ берегу Ладожскаго озера. Оттуда-то и пришли наши первые князья; тамъ родина Рюрика, тамъ, вѣроятно, покоятся и кости его, ибо старинное русское преданіе говоритъ: «въ лѣто 6387, умре Рюрикъ въ войнѣ въ Корелѣ» 22), т. е. онъ умеръ, или былъ убитъ, защищая свою родину отъ нападенія непріятелей.—Въ пароксизмахъ нашей болѣзни, мы могли бы разными мытарствами притянуть къ Карелiи и баснословный «Ризаландъ», и «Рюссаландъ», и «Рюссовъ», и еще многое другое, похожее на русь,—могли бы отыскать въ скандинавскихъ сагахъ, въ шведскихъ хроникахъ, даже въ нашихъ новгородскихъ лѣтописяхъ множество свидѣтельствъ, подтверждающихъ нашу гипотезу въ разныхъ отношеніяхъ; но не станемъ утомлять читателей ссылками и цитатами, обратимся лучше къ лингвистическимъ доводамъ, такъ-какъ новѣйшая наука признаетъ языкъ народа важнѣйшимъ источникомъ его исторіи.

Г. Костомаровъ выдаетъ имена первыхъ нашихъ князей и лицъ, упоминаемыхъ въ договорахъ Олега и Игоря, за литовскія, на томъ основаніи, что въ литовскомъ языкѣ встрѣчаются простыя или составныя слова, которыя сходны съ ними или, собственно, съ нѣкоторыми изъ нихъ по звуку; мы—на томъ же самомъ основаніи объявляемъ эти имена чисто-финскими.

22) Древняя Россійская Вивліоѳика Ч. XVI, стр. 53.

Просимъ прислушаться.

Рюрикъ—отъ uro герой, и rikas богатый. Стоитъ только поднять эти слова на филологическую дыбу, какъ дѣлывали прежде, да помучить хорошенько, то они непремѣнно издадутъ звуки, похожіе на *врорикъ*, *врурикъ*, т.е. Рюрикъ. Литовскій Рюрикъ происходитъ «отъ rju пожираю, терзаю, и rikys князь». Кажется, славяно-финскому союзу, искавшему князя, выгоднѣе было избрать богатаго героя, чѣмъ прожору.

Синеусъ—siunaus благословеніе. Литовск. «отъ senejus старина, старость»; такое имя приличнѣе было бы старшему брату.

Труворъ—turwari защитникъ, отъ turwa защита, прибѣжище. Литовскаго Трувора не оказалось.

Олегъ, Ольга, въ древнѣйшихъ спискахъ Олъгъ, Олъга—olga плечо, algu начало, algaja начинающій, walgo бѣлизна, свѣтлость (въ Лвр. сп. «Вольга» вмѣсто Ольга); olgi солома. ilgi галость, ilgijä гадкій.

Примѣчаніе. 1) Въ начертаніи финскихъ словъ мы придерживаемся ихъ произношенія въ олонецко-финскомъ нарѣчіи, потому-что это нарѣчіе въ фонетическомъ отношеніи есть среднее между карельскимъ и русскимъ, т. е. славянскимъ. 2) Удареніе въ финскихъ словахъ всегда на первомъ слогѣ; слоги же бываютъ или короткіе, или долгіе: всѣ одиночныя гласныя буквы—*a*, *e*, *i*, *o*, *u* и проч. суть короткія, если же онѣ удвояются въ слогѣ—*aa*, *oo*, *uu*, и проч., то выражаютъ долгій звукъ; всѣ дифтонги также долгіе, напр. въ siu-naus два долгихъ слога, а удареніе на i. 3) Буква *j* есть мягкая полугласная, равная русскому *ь* или *й*.

Игорь (корень ing, а не ig)—Ingeri чисто-финское названіе рѣки Ижоры; Ingo—такъ въ старинной свадебной пѣснѣ называютъ невѣсту, оставляющую домъ родительскій; провожатые поютъ ей:

Älä itke Ingo-rukka,

Ei sinun etääksi wiijä (т. е. не плачь Инго бѣдная, не увезутъ тебя далеко).

Улѣбъ—ülbijä гордый.

Акунъ, Якунъ—Iakone (отъ jakaa дѣлить, jako дѣлежъ)—фамилія, существующая еще и теперь въ Карелін; есть и другая созвучная фамилія: Hakone (отъ hako пень, вывороченный съ корнемъ, коряга).

Кари—kaari радуга, kuori кора.

Ятвягъ—«по націи Ятвягъ», говоритъ г. Костомаровъ. Но са-

мую эту «націю» Ятвяговъ истый финноманъ легко можетъ притянуть къ финскому племени, потому-что финск. jättää оставлять, откуда jättö оставленіе, jäte что-либо оставленное, jäänyt оставшійся, слово же wägi зн. сила, народъ, людъ. Стало-быть, Ятъвяги, или Ятвяги (т. е. jäte-wägi, jättö-wägi, или jäänyt-wägi) были чистые финны, которые прозвались *оставленными* или *оставшимися* потому, что удержались въ своихъ древнихъ жилищахъ, тогда-какъ прочіе ихъ соплеменники,обитавшіе нѣкогда тамъ же, принуждены были удалиться на сѣверъ.

Алданъ. Отъ aldo (волна) возможно фамильное прозвище Aldone, подобно какъ отъ walda (власть) Waldone, отъ heinä (сѣно) Heinone.

Гуды—huudaa кричать, huudo крикъ, huudaja кричащій, глашатый.

Каршевъ (притяжат. отъ именит. Каршъ или Карсъ)—karso колода, или коряга, лежащая въ водѣ; отсюда русск. области. *карша* (см. Опытъ Обл. Словаря).

Утинъ—uutine новина, первые полевые плоды, отъ uusi новый.

Мутуръ—отъ muuttaa перемѣнять, muutturi, часто перемѣняющій мѣсто, непостоянный.

Моны—muona вкусная пища, лакомство, muonaaja раздающій пищу.

Тилена—tila мѣсто, tilajne имѣющій мѣсто, или землю.

Рогънѣдь—отъ ruoho зелень, трава, и neido дѣва; ruoho-neido —дѣва зелени, т.е. нимфа, сильфида. Разумѣется,и Рогъволодъ, имя отца Рогънѣды, также финское, а именно: ruoho-waldija—властитель зелени, богъ луговъ, что-то въ родѣ греческаго фавна.

Но не пора ли намъ очнуться отъ нашей маніи, не то—ученые, пожалуй, скажутъ, что мы въ лингвистикѣ ни Аза не смыслимъ? Мы хотѣли только показать, что въ языкѣ каждаго народа можно подобрать большее или меньшее количество словъ, звучащихъ подобно даннымъ словамъ или собственнымъ именамъ другаго народа. Но не этимъ пустымъ подборомъ звуковъ доказываютъ намъ скандинавское начало именъ нашихъ первыхъ князей и ихъ спутниковъ: намъ указываютъ самыя эти имена, или—лучше сказать—ихъ подлинники въ скандинавскихъ памятникахъ, указываютъ въ Скандинавіи многихъ современниковъ нашимъ князьямъ и ихъ сподвиж-

никамъ и объясняютъ законами скандинавскихъ нарѣчій, что всѣ личныя имена пришедшей къ намъ руси по своему звуку, по составнымъ элементамъ, по формѣ и значенію родныя для норманновъ, точно такъ же, какъ славянскія для славянъ. И мы дѣйствительно знаемъ, что подобныхъ именъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, случайно созвучныхъ, нѣтъ и не бывало ни у финновъ, ни у славянъ, ни у литовцевъ, ни у другаго какого-либо изъ извѣстныхъ намъ народовъ, кромѣ однихъ норманновъ;—и вотъ почему Несторовы варяги-русь могли быть только норманны. Этимъ лингвистическимъ доводамъ, которые разработаны г. Куникомъ 23), нельзя не вѣрить—такъ, по-крайней-мѣрѣ, намъ кажется. Они представляютъ самую твердую опору сказанію Нестора, и безъ того, впрочемъ, совершенно ясному и не подлежащему сомнѣнію. Доводы эти рѣшительно не дозволяютъ воспользоваться даже и тою лазейкою, которую, какъ мы видѣли, оставляютъ для Финляндіи слова Нестора «сѣмо ко въстоку до предѣла Симова» *): нельзя основаться на этихъ

---

23) Die Berufung der Schwedischen Rodsen. St. Petersb. 1844.

*) Указавъ на эти слова Несторовой космографіи, г. К. замѣчаетъ (Дисп. стр. 280): «Въ той же космографіи предѣлъ Симовъ отодвигается къ устью Волги: такимъ-образомъ, судя по этому мѣсту, можно причислить къ варягамъ и всѣхъ народовъ восточной Россіи». Нѣтъ, никакъ не возможно, 1) потому, что эти народы у Нестора перечисляются дважды, какъ народы неваряжскіе—сперва въ самой космографіи, вслѣдъ за указаніемъ теченія Волги и прежде извѣстія о варягахъ, а потомъ, вторично при исчисленіи племенъ славянскихъ и неславянскихъ, причемъ о послѣднихъ именно сказано: «си суть свой языкъ имуще отъ колѣна афетова, иже живуть въ странахъ полунощныхъ» (Полн. собр. лѣт. I, 5); 2) потому, что эти народы живутъ не по Варяжскому морю и не къ востоку отъ этого моря, а *прямо на югъ*, по понятію Нестора: это видно изъ его гидрографіи Руси (Полн. собр. лѣт. I, 3), гдѣ говорится, что «изъ Оковьскаго (читай *Волоковьскаго*, отъ волокъ) лѣса» берутъ начало: *Днѣпръ* «и потечетъ на полъдне.... въ Понтьское (Русское) море», *Двина*.... «идетъ на полунощье и внидетъ въ море Варяжьское», *Волга* «на` въстокъ и втечетъ семьюдесятъ жерелъ въ море Хвалисьское». Сообразно съ этимъ понятіемъ о направленіи главныхъ рѣкъ, Несторъ, безъсомнѣнія, представлялъ себѣ и положеніе исчисляемыхъ имъ народовъ, какъ въ Руси, такъ и по Варяжскому морю, и въ западной Европѣ; т. е. финскія и литовскія племена, такъже, какъ и пруси и ляхи прилегали къ южному берегу Варяжскаго моря, которое представлялось внутреннимъ бассейномъ на сѣверѣ, идущимъ отъ запада къ востоку, къ предѣлу Симову, совершенно параллельно Средиземному и Черному морямъ на югѣ. Слѣдовательно, восточную окопечность Варяжскаго моря лѣтописецъ дѣйствительно простиралъ куда-то гораздо далѣе на востокъ (или нашъ сѣверо-востокъ), вѣроятно, къ Бѣ-

словахъ, чтобы притянуть Финляндію къ странамъ варяжскимъ и признать ее родиною варяжской руси, потому-что личныя собственныя имена этой руси, кромѣ нѣкоторыхъ, не могутъ и никогда не могли принадлежать финнамъ по самому духу и законамъ ихъ

ному морю (Гандвику скандинавовъ), откуда начинался и его «Симовъ предѣлъ». Волга нижними частями своими—вѣроятно, начиная съ устья Камы,—также принадлежала къ Симову предѣлу, ибо Болгары и Хвалисы не упомянуты въ числѣ народовъ Іафетовой части. Обыкновенно полагаютъ, что Несторъ списалъ космографическія извѣстія о древнихъ народахъ изъ Георгія Амартола, и приставилъ къ нимъ свое дополненіе о новоевропейскихъ народахъ. Но, сличивъ космографію Нестора съ славянскими переводами Амартоловой космографіи (см. Полн. собр. лѣт. I, прилож.), мы убѣдились, что онъ не просто списывалъ, а заимствовалъ у Амартола только тѣ свѣдѣнія, которыя согласовались съ его собственными понятіями, что онъ иное пропустилъ, другое сократилъ, или передѣлалъ по своему соображенію, а въ одномъ мѣстѣ даже сдѣлалъ отъ себя вставку, необходимую по цѣли его лѣтописи, именно послѣ слова «Иллюрикъ» поставилъ: «Словѣне». Вообще здѣсь, на первомъ шагѣ замѣтенъ уже собственный умственный трудъ Нестора. Окончаніе же космографіи онъ написалъ уже самъ, руководствуясь изустными разсказами соотечественниковъ и, въ особенности, варяговъ, норманновъ, которые въ то время хорошо знали всѣ уголки западной Европы, и—что замѣчательно—имѣли похвальное обыкновеніе собирать и записывать географическія свѣдѣнія о видѣнныхъ и пройденныхъ ими странахъ. Въ «Antiquités Russes» (T. II, p. 388 et sqq.) помѣщены извлеченія изъ исландскихъ географическихъ памятниковъ по рукописямъ XII, XIII и XIV вѣковъ, и между-прочимъ, приложенъ и снимокъ съ рукописи XII вѣка, изображающій обитаемую землю, по понятіямъ исландцевъ. Это кругъ, раздѣленный на три части: одну—почти половину круга, занимаетъ Азія, другую—нѣсколько большую половину. Европа и Африка, раздѣленныя Средиземнымъ моремъ; Азія же отдѣлена отъ Европы рѣкою Танаквисломъ (Донъ), а отъ Африки Ниломъ. Чертежей въ кругѣ нѣтъ никакихъ, но весь кругъ испещренъ названіями земель древнихъ и новыхъ, изъ которыхъ многія поставлены на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ приблизительно приходятся самыя земли. Этотъ кругъ заключенъ въ другомъ, нѣсколько большемъ кругѣ, и промежутокъ между ними изображаетъ рѣку «Океанъ» древняго Гомера. Весьма вѣроятно, что нашъ лѣтописецъ имѣлъ точно такое же понятіе о фигурѣ земли, въ чемъ можно отчасти убѣдиться изъ сличенія его космографіи съ свѣдѣніями исландцевъ; а потому было бы, кажется, полезно представить его космографическія понятія въ подобномъ же кругѣ, изобразивъ въ немъ приблизительно фигуру трехъ частей свѣта, главныя моря и рѣки, и надписавъ на соотвѣтственныхъ мѣстахъ имена земель и народовъ, исчисленныя въ космографіи, равно какъ и встрѣчающіяся въ послѣдующихъ сказаніяхъ. Такая карта, ставя читателя на ту точку зрѣнія, на которой находился Несторъ, пиша свои сказанія, уяснила бы многія мѣста этихъ сказаній, которыя кажутся для насъ темными, потому-что мы, читая ихъ, не можемъ отрѣшиться отъ нашихъ современныхъ географическихъ свѣдѣній и требуемъ такихъ же отъ древняго лѣтописца.

языка. Нельзя, слѣдовательно, и въ мѣстныхъ географическихъ названіяхъ, по звуку похожихъ на *русь* и *русскій*, искать слѣдовъ какой-либо руси IX вѣка въ Финляндіи. Тамъ нѣтъ ни русскихъ горъ, ни русскихъ камней, а есть только рыжія горы и камни, ибо финск. ruskija, сокращ. ruskii значитъ рыжій, красноватый, русый. Что же касается до Рýсила и Рýскѣла, то, можетъ-быть, они дѣйствительно указываютъ на весьма древнюю русь, но только не IX вѣка и не финскую, а нашу, славянскую: по-крайней-мѣрѣ, православная вѣра, борода, толстый затылокъ и отчасти окладъ лица нѣкоторыхъ изъ обитателей деревни Рýсила, равно какъ и другихъ мѣстностей Карелiи ясно свидѣтельствуютъ, что эти, теперь по языку чистые карельцы, суть офинившіеся потомки древнихъ русскихъ поселенцевъ.

Итакъ, скажемъ въ-заключеніе: къ-какой бы Руси ни стремилось наше сердце, къ какимъ бы средствамъ мы ни прибѣгали, какъ бы ни мудрствовали лукаво, но отъ норманновъ намъ уже не избавиться,—не изгнать намъ варяговъ за-море: за нихъ горой стоитъ нашъ старый Несторъ. На основаніи его безпристрастнаго и несомнѣннаго сказанія художникъ смѣло можетъ на памятникѣ тысячелѣтію Россіи изобразить Рюрика со всѣми аттрибутами морскаго короля норманновъ, а подъ нимъ,кстати, въ какомъ-нибуть барельефѣ и смиреннаго инока-лѣтописца, въ простодушной и правдивой повѣсти передающаго на память вѣкамъ

ОТКУДУ ЕСТЬ ПОШЛА РУСКАЯ ЗЕМЛЯ.

P. S. Когда начало этой статьи было уже просмотрѣно въ корректурѣ, мы прочли въ апрѣльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» статью г. Грота «Литва или Скандинавія?» и съ удовольствіемъ увидѣли, что достопочтенный авторъ читаетъ слова Несторовой космографіи о варягахъ совершенно согласно съ пунктуаціей, основанія которой мы здѣсь объяснили, и что взглядъ его на спорный вопросъ о началѣ Руси, сходствуя вообще съ нашими убѣжденіями, подтверждаетъ ихъ и взаимно ими подтверждается. Нѣсколько дней спустя, мы поспѣшили прочесть въ 4-мъ № «Современника» отвѣтъ на возраженія г. Грота, пола-

гая, что этотъ отвѣтъ можетъ касаться и нашихъ возраженій. Но въ своей краткой «Замѣткѣ» г. Костомаровъ не опровергнулъ ни одного изъ сдѣланныхъ ему возраженій; даже основное положеніе его, т. е. что подъ именемъ «варязи» лѣтописецъ разумѣетъ будто-бы всѣхъ прибалтійскихъ народовъ, не подкрѣплено и здѣсь никакими новыми доводами. Авторъ увѣряетъ только, будто мѣсто о варягахъ въ космографіи лѣтописца «*можно* понимать такъ, что слово варяги здѣсь—родъ, а пруси и чудь виды». Но *должно ли*, и почему именно *должно* понимать это мѣсто такъ, а не иначе? На какихъ грамматическихъ, логическихъ или историческихъ доводахъ основывается такое пониманіе? и будетъ ли оно согласно съ другими выраженіями лѣтописца? Если бы Несторъ (будемъ называть его такъ, пока не убѣдимся, что это «неправильно») разумѣлъ и чудь подъ именемъ варяговъ, то могъ ли бы онъ, столь точный и отчетливый во всѣхъ своихъ выраженіяхъ, сказать: «имаху дань варязи изъ заморья на чюдь (т. е. на варягахъ же), и на словѣнехъ» и проч?—или: «поиде Олегъ, поимъ воя многи, варяги, чюдь (варяговъ же), словѣни» и проч.?—или еще: «поя же (Олегъ) множьство варягъ и словѣнъ и чюди (варяговъ же) и кривичи» и пр?... Далѣе, г. Костомаровъ утверждаетъ, будто лѣтописецъ, жившій въ Кіевѣ, могъ подъ выраженіемъ «идоша за море къ варягомъ къ руси» разумѣть плаваніе изъ Новгорода, или собственно изъ Ладоги моремъ къ устью Нѣмана, т. е. изъ мѣста отдаленнѣйшаго въ мѣсто ближайшее отъ Кіева по тому же южному берегу! Онъ находитъ также весьма благоразумнымъ, что литовскій Рюрикъ, съ своими жмудинами, предпочелъ отправиться къ мѣсту своего назначенія моремъ, рискуя, для избѣжанія волоковъ, столкнуться на морѣ съ норманскими пиратами! А, кажется, всего благоразумнѣе было бы этому Рюрику обогнуть моремъ Курляндію, подняться по Западной Двинѣ и, перебравшись, при радушномъ, конечно, содѣйствіи своихъ новыхъ подданныхъ, чрезъ небольшой волокъ къ верховью Ловати, достигнуть такимъ образомъ Новгорода и Ладоги, безъ всякихъ опасностей и затрудненій. Притомъ же, на этомъ пути новый князь, котораго, разумѣется, встрѣтили бы повсюду съ хлѣбомъ-солью, могъ бы лично обозрѣть значительную часть своего государства и познакомиться съ подданными. Но если Рюрикъ, какъ безстрашный морякъ, и могъ пренебречь опасностями мор-

скаго пути, то почему же послы славянъ, народа вовсе не мореходнаго, отправились за князьями къ устью Нѣмана не по рѣкамъ и черезъ волоки, а кругомъ, по незнакомому морю, на которомъ недавно-изгнанные, враждебные варяги, безъ сомнѣнія, должны были сторожить каждое движеніе народовъ, возставшихъ противъ ихъ господства?—этого г. Костомаровъ не объясняетъ. Что же касается до имени Roots, Ruotsi, Ruossi, которымъ финны и доселѣ еще называютъ шведовъ, то онъ считаетъ даже непозволительнымъ упоминать о немъ, какъ о доказательствѣ шведскаго происхожденія Руси, потому-что г. Погодинъ будто-бы объявилъ, что это доказательство уже «опровергнуто 20 лѣтъ назадъ». Но прежде, чѣмъ ссылаться на словесное объявленіе г. Погодина, надлежало бы справиться въ его «Изслѣдованіяхъ»; тамъ (т. II, стр. 142—154) можно было бы точнѣе узнать, что̀ именно опровергнуто, и что самимъ же г. Погодинымъ признано за вѣроятное. Впрочемъ, еслибъ это доказательство и было 20 лѣтъ назадъ опровергнуто кѣмъ-либо, то 16 лѣтъ назадъ оно вновь признано и положительно утверждено г. Куникомъ (Beruf. d. Schwed. Rods. I, p. 160—167). Такимъ свидѣтельствомъ, какъ голосъ цѣлаго народа, называющаго и постоянно называвшаго шведовъ Ruotsi — именемъ не финскимъ, а чисто-шведскимъ по своему происхожденію, пренебрегать никакъ не возможно, тѣмъ болѣе, что оно подкрѣпляется еще и другимъ, не менѣе важнымъ историческимъ свидѣтельствомъ (которое также превосходно разобрано и объяснено въ сочиненіи г. Куника, II, p. 195 et sqq.), а именно: извѣстіемъ бертинскихъ лѣтописей, подъ 839 годомъ, о послахъ сѣвернаго *хакана*, которые въ Константинополѣ называли себя россами (Ρως, Rhos), а по учиненному въ Ингельгеймѣ разысканію оказались происходящими отъ рода свеоновъ. Эти два свидѣтельства не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ IX вѣкѣ по сосѣдству съ финнами дѣйствительно обитали какіе-то шведы, которые сами себя называли Rôds, и которыхъ имя сдѣлалось у финновъ общимъ наименованіямъ всѣхъ шведовъ. А что это имя исчезло въ самой Швеціи, такъ это опять доказываетъ, что оно было не имя народа (хотя, впрочемъ, и народныя имена измѣняются и исчезаютъ въ-теченіе вѣковъ), а имя дружины, воинскаго союза, общины моряковъ-воиновъ, подобной нашимъ запорожцамъ.—Замѣтимъ, что упомянутое сочиненіе г.

Куника о шведо-руссахъ (съ которымъ у насъ, кажется, мало знакомы) представляетъ доселѣ послѣднее слово науки по вопросу о происхожденіи Руси, а потому ученый, желающій перерѣшить этотъ вопросъ и утвердить новую теорію, непремѣнно долженъ сперва доказать несостоятельность прежней, долженъ по пунктамъ опровергнуть всѣ прежнія положенія и выводы. Но авторъ новой гипотезы о литовской Руси, какъ видно, не жалуетъ прежнихъ ученыхъ изслѣдованій и историческихъ свидѣтельствъ; отвергая ихъ безъ всякихъ доказательствъ, онъ основываетъ свои выводы большею частію только на *возможности* фактовъ, а Карамзинъ сказалъ: «Исторія не романъ»... «Исторія не терпитъ вымысловъ, изображая, что есть или было, а не что быть *могло*»